

СЕМЁН ДАНИЛЮК

СЛЕДОПЫТ БЕРОЕВ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Семён Данилюк

Следопыт Бероев

«ВЕЧЕ»

2022

Данилюк С. А.

Следопыт Бероев / С. А. Данилюк — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8796-5

Цикл историй о сибирских приключениях следователя Олега Бероева. Повесть «Студёные воды Арктики» рассказывает о путешествии по бурному морю Лаптевых и дельте Лены к эвенкийскому поселку Ыстаннах-Хочо, где ведётся закладка самой северной в стране школы. В пути при таинственных обстоятельствах один за другим гибнут члены экипажа. И Бероев берётся за расследование. «Инкогнито из МВД» затрагивает коррупционные дела и факты браконьерства среди руководителей высокого ранга. А «Болотный Дед» – история поиска уранового рудника и заброшенного лагеря смертников в Забайкалье. Бероев ведёт товарищей через топь и выходит к неизвестной заимке, окружённой непроходимым болотом. А вскоре появляется и её хозяин – таинственный и грозный Болотный Дед, от которого мало кому довелось ускользнуть.

ISBN 978-5-4484-8796-5

© Данилюк С. А., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Студёные воды Арктики	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Семён Данилюк
Следопыт Бероев**

**СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН**

© Данилюк С.А., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

Студёные воды Арктики

Памяти кинооператора и путешественника А.П. Галаджева

В конце июня 1966 года кинооператор Олег Бероев вернулся в Москву из очередной командировки.

Незаметно подкатило двадцать семь лет. Друзья, с которыми в шестидесятом вместе поступал на операторский факультет ВГИКа, давно получили дипломы. А Олег, или – для друзей – Алик Бероев, всё переносил и переносил последние экзамены. Всё откладывал и откладывал получение диплома.

Давным-давно перевёлся он на заочное отделение, и вот уж пять лет работает оператором на «Центрнаучфильме».

В последние годы Бероеву и вовсе несказанно повезло. Жизнь свела с легендой – Владимиром Адольфовичем Шнейдеровым – ведущим телевизионного «Клуба кинопутешествий». Вот уж кто ценил Бероева. Ценил за ту же страсть, которой был одержим сам, – к путешествиям.

Страсть эта, вспыхнувшая в Альке в мальчишеском возрасте, казалась неугасимой.

Природу он обожал всякую. Алтайские горы, Селигерские озёра, Камчатские сопки, сплавы по Енисею. За тягу к хребтам Тянь-Шаня даже получил шутовское прозвище – Бероев-Тянь-Шанский. Всё наполняло восторгом. Он бросался с места на место. Так гурман при виде обильного стола хватается одно блюдо за другим, боясь не попробовать.

Олегу объясняли, что рано или поздно страсть к путешествиям, как и всякая страсть, должна иссякнуть. Ведь всё когда-то остывает. Даже солнце – источник всего живого – понемногу охлаждается. Таков закон природы. Такова же закономерность любой человеческой жизни.

Но вот уж десять лет кочует он по союзным долам и весям. И всё не может надышаться впечатлениями.

И по-прежнему, едва вернувшись из очередной поездки, он втыкает новую булавку в карту Советского Союза. Истыканную, будто вены наркомана.

Бероев жил взахлёб. Всё, чем увлекался, захватывало всерьёз и надолго. И в каждом новом деле стремился к совершенству. В стрельбе, боксе – выполнил мастерские нормативы; в верховой езде – запросто мог подменить на съёмках каскадёра. Наверняка добился бы высоких результатов в спорте, если б над всем этим не довлела великая тяга к бродяжничеству.

Он легко находил новых друзей. Чаще всего приумножал их число в экстремальных экспедициях – там, где человек проявляется в полной мере.

Именно друзья закрепили за Бероевым репутацию вечного неуёмного бродяги.

Его любили женщины – за лёгкий нрав, азарт, весёлость. С этим парнем всегда было нескучно.

Олег, женолюб по натуре, отвечал взаимностью. Но к двадцати семи всё ещё оставался холост. Всякая жена жаждет стать главным в твоей жизни. А главным оставалась охота к перемене мест. И не было ещё случая, чтоб ради увлечения он отказался от нового путешествия. Потому место жены оставалось вакантным.

Вот и в июне 1966 года, по возвращении из Углича, он заметался по спёкшейся от зноя Москве. ВГИК опустел, и свалить что-то из залежалых экзаменов до осени было нереально. Разбежались друзья: кто на отдых, кто – с киногруппами.

К тому же зашли в тупик очередные отношения. Разорвать их напрочь, рывком, у деликатного Алика не получалось. Каждый день приходилось выслушивать новый ворох претензий,

в которых, как в старых обрывках газет, давно не было свежей информации, зато с избытком – невыгоревших страстей.

Бероев пребывал в редком для себя пасмурном настроении. Рвался из опустевшей Москвы. Понимал, что документальные экспедиции давно разъехались по стране и неоткуда посреди лета взяться новому, чудесному предложению. И всё-таки гипнотизировал телефон.

И – загипнотизировал-таки.

В конце июня позвонил географ Игорь Тимашев, с которым сдружился после совместного путешествия в пятьдесят девятом году по Кодару.

– Алька, ты? Смотри-ка, в Москве! А я больше на всякий случай позвонил, – протянул хитрющий Игорь. – Дай, думаю, наберу от балды. Вдруг родной голос услышу.

– Не тяни! – поторопил Бероев. Игорь хмыкнул.

– Ну, если уж вовсе делать нечего! Вообще-то тебя Шнейдеров разыскивал. Пытался дозвониться. Но не застал дома. Вот мне перепоручил.

У Олега перехватило в горле. Он что-то поторапливающе рыкнул.

– Ладно уж, – смиловившись Игорь. – Только с тебя пузырь.

Как думаешь, существует слово на букву «Ы»?

– Ыстаннах-Хочо. Посёлок в Арктике!

– Скажи пожалуйста! – Игорь поразился. – А я б, хоть убей, не сообразил. Тогда Адольфыч прав, и – тебе карты в руки.

И уже другим, бодрым голосом предложил примкнуть к гидрогеологической экспедиции, направляющейся из порта Тикси в дельту Лены. Задача – через Оленёкский залив моря Лаптевых добраться до Ыстаннах-Хочо (Игорь намеренно с усилием выговорил диковинное название), где состоится закладка самой северной школы в Советском Союзе, и снять материал для «Клуба кинопутешествий».

– В каком ракурсе необходимо подать, тебя, само собой, учить не надо, – бросил Игорь. И всё-таки принялся инструктировать: – Образование проникло в самые недостижимые уголки необъятной Родины. Якутята в нетерпении рвутся за парту.

– Это эвенкский посёлок.

– Значит, эвенкята рвутся, – не смутился Тимашев. – Выпускники всех педвузов страны дерутся за право распределиться в Якутию – дабы лично понести в массы... – Игорь сбился. – Так что – руки в ноги. Из Москвы вылетаешь до Хатанги. Оттуда – на Тикси... Да, – припомнил Игорь, – летите вместе с геологом.

– Кто такой?

– Откуда я знаю? Адольфыч диктовал что-то, да я по телефону не расслышал. А переспрашивать постеснялся. Геолог и есть геолог. Найдешь в аэропорту по рюкзаку и – что у них ещё? – борода да кайло? Ему на зимовье в дельту Лены. В Тикси вам обеспечат вертолёт. Адольфыч обо всём договорился. Сначала забросите геолога – до Зимовья, после тебя – до посёлка. Ну и – как обычно, по возвращении – все пляшут и поют. Шнейдеров пишет кипятком от восхищения. Телезрители с открытым ртом прилипают к экрану. Очередной триумф кинооператора Бероева! Пам-пам-параба!..

– Будет резвиться! – оборвал песнь победы Бероев. – Руководитель экспедиции в курсе моего задания?

– Руководитель! – Тимашев поскуцнел. – Вообще-то руководителем экспедиции – Потвин!

Выждал. Убедился, что фамилия эта Бероеву ничего не говорит.

– С говнецом мужичок, – неохотно признал Игорь. – Но выбирать не приходилось. Единственная экспедиция в те края. Тебя в неё геодезистом оформили. Ещё Шпаро, правда, пока в Тикси. Но тот со своими на мыс Челюскин летит. В общем, на месте разберёшься. Если

Потвин заблажит что-нибудь, именем Шнейдерова козырнёшь, и – любой на изготовку! Проблем не будет!

У Бероева шевельнулся червячок. Уж больно благостен сделался вдруг Игорь.

– Так что, берёшься? А то мне ещё Адольфычу рапортовать.

Берется ли? Олег предвкушающе прикрыл глаза – судьба предвосхитила его желания. До Арктики он ещё не добирался. Бероев постоял у карты, с садистским наслаждением огладил пальцем точку под будущую булавку и бросился собирать вещи. Те, что совсем недавно разобрал.

Когда вечером позвонила подруга с предложением встретиться и наладить, наконец, непростые отношения, Бероев печально сообщил: увы! Вылетает на Север с внезапным редакционным заданием от «Клуба кинопутешествий». И рад бы, как говорится, увильнуть, но сам Владимир Адольфович Шнейдеров! А легенде отказать ну никак! В общем, сплошное «увы».

Должно быть, сквозь показную грусть проглянуло такое нетерпение, что на другом конце тихо выругались. Короткие гудки возвестили об окончании ещё одного несбывшегося романчика. Что ж! Тоже удача!

Сгоняв на студию за кинокамерой, штативом, аккумулятором и цветной плёнкой, упаковав всё это вместе с карабином, вечный бродяга Олег Бероев 10 июля зарегистрировался на рейс до Хатанги.

Зал ожидания на Хатангу оказался полупустым. Среди ожидающих посадки всё больше семейные пары, возвращающиеся на Север из отпусков, да несколько командированных – судя по чемоданчикам-маломеркам. А вот никаких геологов Олег не обнаружил. Зато перед посадкой неожиданно для себя повздорил со статной холёной девицей, укутанной по носик в импортный пуховик. Она стояла в очереди в буфет как раз впереди Олега, под обстрелом мужских глаз. Тех самых, семейных. Укрываясь от спутниц, мужья исподтишка бросали на попутчицу робкие взоры. До ответных взглядов надменная красавица не снисходила, но по вздёрнутой головке было очевидно, что флюиды по адресу доходят и она привычно и охотно купается в мужском восхищении.

Бероев услышал позвякивание о кафель, посмотрел под ноги. Из-под утеплённых, облегающих брюк выглядывали легкомысленные туфельки на «гвоздиках».

Бероев невольно прицокнул.

Брюнетка чутко скосилась. Раскосые карие глазищи, к тому же увеличенные макияжем, скользнули по Бероеву с холодным недоумением.

– Каблучки, должно быть, затачивали, чтоб на льдинах не скользить, – не удержался весельчак Алька.

Брюнетка вновь глянула, сверху вниз. Она была, пожалуй, с Олегом одного роста. Но каблук приподнимал модницу над землёй на пяток лишних сантиметров, как шпиль зрительно приподнимает над прочими зданиями собор.

– Что? У вас, в горах, женщины каблук не носят? – сыронизировала она.

Олег удивился. Барышня явно приняла его за кавказца. В Алькиных чертах – широкий овал, крупный, как говорят – «корабельный», нос, усики над губой – если и угадывался кавказец, то скорее потомок старинного армянского рода Тер-Таманянцев. Но угадывался очень отдалённо и больше намёком. За горца его ещё никто не принимал.

– В горах наверняка не носят, – подтвердил Бероев. – Если только на Ленинских горах. Но и там, по-моему, на каблучках по сугробам не рассекают.

– Скажи пожалуйста, какие мы места знаем! – Девица прыснула.

Бероев утёрся.

– Слюна, надеюсь, не ядовитая? – Он принялся злиться. – Вообще-то прикрываться надо бы.

– Может, и паранджу прикажешь надеть?! Дай вам, абрекам, волю!..

– Достаточно всунуть кляп. – Запас добросердечия в Бероеве иссяк. Избегая склоки, он поспешил выйти из очереди.

Вслед донеслось победное хмыканье.

Определённо ей нравилось безнаказанно подтрунивать над мужчинами.

Веселье продолжилось в салоне. Когда Олег, с упакованной аппаратурой и карабином в чехле, подошёл к своему месту, в кресле у иллюминатора сидела кареглазка. С увесистым рюкзаком в ногах.

При виде соседа по буфетной очереди лицо её исказилось от возмущения. Она вскочила.

– Слышала, что кавказцы слов не понимают. Но нельзя ж быть настолько назойливым! – процедила она. – Кадриться он затеял!.. А ну выпустите! И впредь попрошу забыть...

Оглашенная девица оттолкнула Олега. Перебралась на свободное кресло через пару рядов.

Уложив оборудование, Бероев прикорнул с намерением поспать. Из опыта знал, что в экспедиции сон про запас лишним не бывает.

Через час полёта объявили, что Ил-18 к месту назначения не прилетит. В Хатанге ремонтируется посадочная полоса.

Кругом зашумели.

Олег придержал за руку стюардессу.

– Девушка! А что, к ремонту приступили сразу после нашего взлёта?

Смешливая девчушка хихикнула.

– Да нет, по метеоусловиям закрыли. В ясную-то погоду на короткую полосу садимся.

Олег подманил её поближе.

– Просительная просьба. Как только узнаете, куда посадят, тут же конфиденциально... Как путешественник путешественнику...

– Как раз сейчас согласовывают. Скорее всего, в Амдерме сядем, – доверительно шепнула стюардесса и отправилась дальше по рядам.

– Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону, – промурлыкал Олег – в полной растерянности. В самом деле, угодить вместо Тикси на море Лаптевых на побережье Карского моря совсем не то же самое, что вместо Москвы приземлиться в Ленинграде.

Бероев пригорюнился.

Похоже, срывается задание. Формально его вины нет. Но кто говорит о вине, когда получено задание. Оно либо выполнено, либо нет. Невозможность выполнить – всего лишь смягчающее обстоятельство, относящее тебя в ранг неудачников и недотёп.

Кто-то опустил на соседнее кресло. Олег скопился. С удивлением обнаружил, что вернулась бешеная кареглазка. Опасливо отодвинулся.

– Только сейчас дошло – вы же кинооператор! – поделилась она откровением.

Ткнула пальцем на упакованную аппаратуру.

– Тот самый, конечно! Мне говорили, что лечу с каким-то киношником. Крутила, крутила башкой...

Олег промолчал, выжидая. Он, в свою очередь, сообразил, что перед ним геолог.

– А я-то с какого-то перепугу решила – нацмен! – Она заискивающе хихикнула. – Такие приставучие! Вообще без комплексов. Дети гор!

– Бероевы мы! – гортанно представился Олег. Девушка, поняв, что опять брякнула невпопад, осеклась.

– Чёрт! Что за день – всё лажаюсь и лажаюсь, – пожаловалась она. – Меня Виталина зовут. Виталина Ташевич. Родители мальчишку хотели. Даже имя приготовили. На меня и налепили. Вообще-то геолог я ещё тот. Только что «Губку» закончила. Лечу к мужу в экспедицию... – Теперь, стараясь загладить буфетное хамство, она затараторила без умолку: – Он доцент, у меня курсовую вёл. И тут мульку бросили, что в дельте Лены вроде нефть может быть. А он один из

первых предсказал. Ещё за пять лет. В лекциях даже нам про это читал. Первым и сорвался. Теперь меня следом вызвал. Представляете, найти нефть в Якутии?! Это ж на всю жизнь – первопроходец! Как орден! – Она требовательно скосилась. Бероев продолжал отмалчиваться.

Тупое равнодушие попутчика наполнило Виталину новым раздражением.

– Да вы напрягитесь! Нефть в Якутии!.. Неужели не доходит? Просто убожество какое-то! – констатировала она, разочарованная. – Как вы вообще с такой узколобостью ВГИК закончили?

– А я и не закончил, – обрадовал её Бероев.

Виталина удовлетворенно фыркнула – дескать, ничего другого не ожидала.

Отругиваться Бероев не стал. И без того увидел, что девчонка смертельно напугана.

– Куда ж нас теперь привезут? – заискивающе спросила она.

– Должно быть, в бухту Диксон. – Удержаться от подкола Олег не смог.

Виталина сглотнула.

– А это далеко?

Олег скрыл усмешку: могучие геологи пошли. Всесторонние. На шпильке.

– В общем, не так чтоб очень. Диксон – Карское море, Тикси – море Лаптевых. Соседи по коммуналке! Если достать упряжку, за месяц-другой, глядишь, доберёмся.

– Хватит ваньку валять, умник! – рассердилась Виталина. – Не знаешь сам, так и катись!

В Амдерме выяснилось, что дальше везти пассажиров никто не собирается. Сгрузили – и с глаз долой, из сердца вон. Но к этому Олег оказался готов. Заветный блокнот с рукописной надписью на обложке – «Блатовод» – уже лежал в запасном кармане.

К 27 годам Бероев был достаточно опытен. И знал, что главная сила любого документалиста не в умении выставить фокус, установить ракурс; не в сноровке, с какой преодолеваешь водные и горные препятствия. А в телефонной книжке, которая распухает по мере приобретения связей.

После приземления Бероев прошёл напрямую к начальнику аэропорта и через него созвонился с руководителем главка в Министерстве гражданской авиации, которому пару лет назад случилось помочь. Объяснив ситуацию, попросил об ответной услуге.

– Хороша услуга, – раздалось на том конце провода.

– Если открытие школы в Арктике не пройдет в эфир, начнутся разборки, – деликатно напомнил Бероев. – Не сам же я себя в Амдерму вместо Хатанги забросил.

– Ладно, не дави. Без тебя мозги пухнут.

Связь прервалась.

– Отказал, конечно, – констатировал начальник аэропорта. – Да и немисливо – самолёт за здорово живёшь найти. К тому же аэропорт наш по метеоусловиям закрываем. Сам видишь. – Он показал на свинцовое небо за стеклом. – Разместим, конечно, в гостинице, чин по чину. А дня через три-четыре, если повезёт...

– Вот что, – перебил Олег. Вытащил из карандашницы листочек для записей. Набросал пару предложений. Вернул на руководящий стол. – Со мной девушка, геолог. Когда подтвердят насчёт самолёта, пусть нам передадут так, как здесь написано, – по тексту. Сделаешь?

По лицу его скользнул весёлый лучик.

– Блажен, кто верует, – раздалось вслед.

В ожидании ответа из министерства Бероев решил прогуляться к морю. Виталина, боявшаяся оказаться брошенной, вызвалась составить ему компанию.

Прогуливаясь мимо притопленной баржи, они вышли к скалам, о которые где-то внизу, в тумане, билось с рёвом Карское море. Истошно орали невидимые чайки.

– По-моему, нам здорово повезло. Нежданно-негаданно ещё одно море увидели, – порадовался Олег.

– Это называется – повезло? – Виталина шла, вцепившись в спутника. Легкомысленные туфельки она сменила на замшевые сапоги – с каблуком пониже и потолще. Но и он то и дело подворачивался, то попадая меж камней, то застревая во мху.

– Конечно. Садись на скалы да грейся себе на полярном солнышке.

– Солнышко ты где разглядел? – Виталина подрагивала под студёными порывами ветра. В самом деле, они оказались посреди сплошного марева, так что свинцовая кромка меж небом и морем была едва различима. Да и скалы будто парили в промозгом воздухе. – Господи! Как же здесь люди-то живут?

– И здесь живут, и на Тикси живут. А геологи – мало этого – ещё и по тайге шастают. Девушку перетряхнуло.

– А вот ещё полюбуйся – образчик наскальной надписи. – Бероев подкрутил бинокль, протянул попутчице. – Должно быть, от первобытных предков осталась.

На крутой базальтовой скале вкривь шла выведенная жёлтыми буквищами надпись: «Паскудина ты, Амдерма! Чтоб тебе...» Похабная часть утянулась за поворот скалы.

– Хамьё и быдло! – процедила Виталина. – Скажи ему на скалу просто так залезть – передрейфит. А вот чтоб похабень по себе оставить, чем угодно рискнёт.

Проходивший мимо лесовик-трёхтысячник протяжно прогудел.

– Кому это он? – заинтересовалась Виталина.

– Так отдают гудок по погибшим кораблям.

Виталина поднялась.

– Знобит что-то. Как думаешь, может, хоть в Москву назад отправят... Никак к нам?

В ватнике, наброшенном на китель, к ним спешил взъерошенный начальник аэропорта.

– Кто из вас геолог Ташевич? – спросил он.

Виталина, переменившись в лице, кивнула.

– Для вас сообщение. Завтра утром прибудет самолёт, чтоб перевести вас на Тикси.

Совершенно ошеломлённая Виталина сглотнула.

– А кто... приказал? – выговорила она.

– Команда из Москвы, – уклонился от ответа начальник аэропорта. Припал к уху Бероева. – А ты силён. Сам замминистра распорядился борт изыскать... Ну, побежал! Попутчиков вам пошукаю.

С озабоченным видом, выдирая микропорки из клейкой грязи, он поспешил вперёд.

Виталина с гордым видом обернулась к Бероеву. Показала язык.

– Надо же, как любит. – Она озадаченно повела головкой.

На другое утро, 18 июля, самолёт Ил-14 стартовал на военный аэродром Тикси.

Едва взлетели, Бероев показал вниз, на скалу, на которой сидели накануне.

Из-под воды торчали проржавелые обломки затонувшего на рифах буксира. Выше, на скале, крупными жёлтыми буквами были выведены фамилии, с одной и той же датой смерти.

– Похоже, надпись оставили те немногие, кто выжил, – догадался Бероев. Виталина зябко поёжилась.

Причудливо арктическое лето. Взлетели из Амдермы в сплошном свинце.

По соседству – в Тикси – приземлились при штилевом море и под палящим солнцем. Даже символ порта – каменный, промёрзший насквозь якорь, казалось, отогревается в тепле. На рейде красовались океанские корабли – ледокол привёл первый караван.

Возле двухэтажного здания гостиницы «Маяк» на вытоптанной площадке рубились через сетку в волейбол. Совсем как в июльской Москве – в кедах, плавках и маечках.

Игроки, бросив игру, сгрудились, разглядывая жидкую цепочку прилетевших. При виде статной, броской Виталины волейболисты оживились, приосанились. Замахали приглашающе. Виталина закивала в ответ.

Усталая, помятая администраторша гостиницы долго водила пальцем по списку подлежащих размещению.

– Нету, – посочувствовала она. – Экспедиция Шпаро есть. Вот – до мыса Челюскин полетят. А остальные... Так, должно быть, вам в общежитие надо! – сообразила она. – Здесь только которые по спискам. А туда всех подешевле селят.

Впрочем, удостоверение кинооператора подействовало безотказно: на Бероева и Виталину выделили по койке в двухместных номерах – мужском и женском.

А когда Олег пустил в ход особый аргумент – буклет с актёрами «Мосфильма», – в загашнике обнаружился одноместный номер. Виталина встревожилась.

– Забирай себе, – не споря, отдал Олег. – Мне всё равно по делам бегать. Придётся пропавшую экспедицию разыскивать.

Обрадованная Виталина подхватила рюкзак:

– А я в волейбол пока поиграю. Старые кости разомну.

Дурёха разудало подмигнула сорокапятилетней администраторше. И та, помрачневшая, отвела глаза, пожалев о напрасно отданном резерве.

Бероев наскоро помылся под прохладным душем, натянул свежую рубашку.

Уложился он в какие-то двадцать минут. Но когда вышел из гостиницы, Виталина уже варилась в волейбольной гуще – в отдельном купальничке она распорядилась своей мужской командой. Все мячи летели в неё, и она азартно принимала, подпрыгивая. При каждом прыжке полные груди аппетитно колыхались.

На пустовавшей прежде судейской вышке разместился бритоголовый мужчина с покрасневшим под полярным солнцем лицом. На вышку он забрался, должно быть, судить. Но, засмотревшись на прыжки Виталины, то и дело забывал объявить счёт.

Посёлок Тикси казался вымершим. Как всякий арктический посёлок, разнообразием архитектуры не баловал.

По центру, как положено, заасфальтированный пяточок с традиционным Лениным перед зданием советско-партийных органов и выцветшим плакатом на фасаде – «Никто не забыт, ничто не забыто. 1941–1945», за ним – Управление флотом Тиксинского морского порта – градообразующее сердце всего посёлка.

Далее Бероев, справляясь у редких прохожих, свернул на улицу Севморпути.

Идти пришлось вдоль двухэтажных домов: ядовито-жёлтых и ярко-синих, – стоящих на подзатопленных сваях. Как успел узнать Олег, в яркие цвета дома красят, чтобы зимой, в пургу, легче было различить собственный дом. А для верности и верёвки меж ними протягивают. Впрочем, красили, похоже, давным-давно, потому что штукатурка слезала по стенам хлопьями, будто старая змеиная кожа. Зато перед домами чья-то истомившаяся по красоте рука посадила низкорослые ивовые кустарнички вперемежку с жёлтым мытником.

А вот за следующим поворотом следов человеческой заботы не оказалось вовсе. У покосившихся заборов были навалены кучи слежалого мусора и грязно-серые ломти льда. Лёд в летней Арктике тает со скоростью три сантиметра в сутки и растаять полностью до новых морозов не успевает.

Исчезла и улица. То есть градостроительные границы её, обозначенные столбами, сохранились. Но идти приходилось по самой середке, балансируя по дорожке из перевёрнутых ящиков, кирпичей и досок. Причудливую конструкцию проложили поверх слякоти, проступившей из вечной мерзлоты.

Бероев уж отчаялся разыскать здание общежития, когда при очередном повороте упёрся в дощатый барак, правая, покосившаяся сторона которого зияла гнилыми, без стёкол рамами. Зато над уцелевшей частью красовалась крупная, под стеклом табличка – «Общежитие Управления флотом ТМП». Внутри тёмного коридора потянуло запахом плесени и сыростью.

Коридор пустовал. Но в ближайшей от входа большой, на десяток панцирных коек, комнате сбились люди в свитерах и штормовках.

На скрип двери обернулись.

– Здравствуй, пропавшая экспедиция. Пол-Арктики облетел, тебя разыскивая, – с порога пошутил Олег. Хотя вид сваленного в беспорядке оборудования и скаток повода для веселья не прибавлял.

– Ещё денёк-другой – и впрямь пропадём. – Худошавый бородач подбросил в чадающую печь поленец.

Олег – общительный, улыбчивый – быстро перезнакомился со всеми. А вот начальника экспедиции товарища Потвина увидеть не довелось. Ему с усмешкой разъяснили, что Потвин, затолкав экспедицию в барак, сам поселился в гостинице. Поближе к начальству, чтобы «держать руку на пульсе».

– Как раз неделю и держит, – уточнил бородач. – Ещё две-три таких же недели с рукой на пульсе, и можно прямо из барака назад в Москву. Сезон вот-вот потеряем. В общем, в переводе с матерного, организация на грани провала.

В гостиницу Олег вернулся ближе к вечеру. Правда, с добычей. Как члену экспедиции ему выделили новенький комплект армейского оборудования.

Смеркалось. Волейбольный пятачок опустел. Зато в фойе гостиницы и в буфете стало многолюдно.

От администраторши Бероев узнал, что Иван Павлович Потвин размещен в полулюксе на втором этаже. На стук в дверь выглянул тот самый бритоголовый с судейской вышки. В белой, с несвежим воротничком рубашке, из-под расстёгнутых верхних пуговиц интенсивно пёрла густая растительность.

Одупловатое красное лицо будто распарилось. Потянуло коньячным запахом.

– Что угодно? – недружелюбно спросил он, загораживая собой вход.

– Мне угодно видеть начальника экспедиции Потвина, – в тон ему отреагировал Олег.

Мужчина демонстративно поморщился, скользнул, будто ненароком, по часам «Сейко» рублей за двести», – подметил Бероев. – У вас что-то срочное? А то я занят – к завтрашнему заседанию в пароходстве готовлюсь.

– Впустите, впустите, Иван Палыч! – послышалось изнутри. – Это же как раз Бероев. Я вам рассказывала. Заходите, Олег Павлович!

Потвин неохотно посторонился. За уставленным вином и закусками столом на кровати сидела Виталина – в блузочке, подпорченной винным пятном. Вплотную к кровати был подставлен стул.

– Держите руку на пульсе? – усмехнулся Бероев.

Потвин нахмурился с начальственным недоумением.

– Я нахожусь там, где считаю нужным для дела, – отчеканил он. – А вот ты как геодезист должен перебраться в общежитие к остальным членам экспедиции. И желательно прямо сейчас.

– Для кого желательно? – недобро уточнил Бероев. Руководитель экспедиции ему не понравился. К тому же он оказался из ненавистной Олегу породы хамоватых тыкальщиков. Сухо и коротко он напомнил, с каким заданием и кем прислан. И что именно в свете этого задания должен обеспечить товарищ Потвин. Потвин побагровел.

– Узнаю вгиковское хамство. Через неделю прилетит экспедиционный Ли-2, забросим и вас.

– Это как? Там есть посадочная площадка?

– Значит, договоримся с вертолётчиками. В общем, целая экспедиция ждёт. И вы подождёте.

– У меня нет времени терять время, – заупрямился Бероев. Он уже увидел, что Потвин о нём и его задании попросту забыл. – Через неделю я должен быть в посёлке, на открытии. Если не организуете вы, решу сам.

– Это как же? Если каждый геодезист начнёт бегать по советско-партийным органам...

– Я не стану бегать. Просто решу, – обрубил Бероев.

Потвин спохватился. В самом деле, от выскочки-киношника запросто можно схлопотать неприятности.

– Ладно, – процедил он. – Завтра прозондирую. Может, дня через два-три удастся что-нибудь для вас найти.

– Честь имею. – Олег кивнул.

– Пожалуй, и мне пора. – Виталина, к огорчению хозяина, поднялась. – Тяжёлый перелёт, знаете. Ноги не держат. Да и у вас с утра новые хлопоты. Так что спасибо за угощение... Олег Павлович, я ведь до зимовья с вами еду?

– Даже не думайте! – Потвин возмутился. – На каком-нибудь дырявом катерке да по студёным «Лаптям»... Брр! Да и волейболисты мне не простят, если капитана команды отпущу. Через неделю раздобуду вертолёт. Доставим вас на зимовку – в лучшем виде. По времени так на так выйдет. Зато без проблем. Договорились?

– Это как уговаривать будете. – Виталина ухватила Бероева под локоток. Дружески помахала пальчиками хозяину.

Потвин раздосадованно развел руки. Но удерживать соблазнительную гостью при постороннем не решился.

По сумеречному коридору, мимо сломанного титана, они дошли до номера Виталины. От мокрых полов тянуло тяжёлым запахом влажной уборки.

– Спасибо, избавитель, – лукаво шепнула Виталина, прощаясь. – Уж и не знала, как ускользнуть.

– Обращайтесь, – кивнул галантный Олег. Хмыкнул. – Но только если и впредь собираешься фланировать перед мужиками в бюстгальтере на китовом усе, от поклонников придётся отстреливаться. Или уж сразу сдаваться.

– Хамло! – отреагировала довольная Виталина.

Когда-то Бероев застудил ноги, провалившись под лёд на Байкале. С тех пор время от времени досаждала боль в коленях. Помянув недобрым словом сырость общежития, Олег извлёк из походной аптечки мазь со змеиным ядом. Раскрыл. Закатал адидасовские брюки.

В дверь коротко стукнули. Бероев не успел спустить штанины, как в комнату ворвалась Виталина. Втянула носом воздух. Разглядела изображение змеи на этикетке.

– Тебе что, внутри яда не хватает? – не преминула съязвить она. – Я чего подумала? Пойдем погуляем. Когда ещё в вечернем Тикси окажешься. А так будет чем похвастать. Вчера – Амдерма, сегодня – Тикси. Девчонки в общаге от одних названий обзавидуются.

– Может, дашь сначала портки поправить? – огрызнулся Бероев. – Бесцеремонная ты всё-таки девка.

– Жду в фойе. – Виталина со смехом захлопнула дверь.

Солнце висело на ночном небе, освещая всё вокруг. Как и в Амдерме, над морем стоял надрывный чайчий клёкот.

Олег с Виталиной прогуливались по центру Тикси, избегая грязных заулков. Но даже в центре чавкала и прилипала к обуви слякоть и грязь.

– Что поделать – распутица, – глубокомысленно изрекла Виталина. И невольно зацепила то, что не первый год свербило Бероева.

– Распутица! – повторил он едко. – Я пол-России объехал. Леса, горы, тайга, реки-моря-озёра, теперь тундра. Снегов, ливней, штормов с лихвой хватил. А вот распутицу видел только в человеческих жилищах! Где человек, там и слякоть. Выходит, в нас она. Объявили себя царями природы, да и гадим вокруг! А если природа такого царька однажды коленом под зад – о том и мысли нет.

Он смутился – опять занесло.

– Чудной ты, Олежка! – протянула озадаченная спутница. – Пожалуй, я в самом деле до зимовья вместе с тобой поеду. Всё лучше, чем неделю в этом сраче высидывать.

– Вот это образцово-показательная жена! – громко восхитился Бероев. – По волне и стуже – к дорожному мужу! Что там декабристки!

– Какая ещё декабристка? Всё равно когда-то да придётся, – невесело отшутилась Виталина.

Когда вернулись на площадь перед гостиницей, Бероев заметил Потвина. Лёжа животом на подоконнике своего номера, он вглядывался вниз.

Бероев с силой притянул к себе девушку. Склонился, будто в поцелуе. Виталина дёрнулась возмущённо.

– Цсс! – предупредил Олег. Глазами показал на окно. Засмеялся. – Удачненько срослось. Теперь он всё сделает, чтоб меня поскорее сплавить. Только имей в виду: если и впрямь хочешь со мной уехать, не сболтни об этом Потвину. Иначе оба в Тикси застрянем. Поняла?

– А то! Чукча не дурак. Чукча – геолог. – Виталина подмигнула.

Вышло даже быстрее, чем надеялся Бероев. Потвин появился на другой день до обеда. В костюме. Деловитый. Разящий одеколоном «Шипр».

– Я уже прокачал ситуацию в пароходстве. И попал в цвет, – с важностью сообщил он. – Вечером отходит катер, как раз до твоего посёлка. Отбуксируют туда баржу с годовым запасом продуктов для смешанного магазина и стройматериалами для той самой школы. Удалось договориться насчёт тебя, хоть и пришлось попотеть. Катер «Ястребок» райпотребсоюза. Живо собирайся. И имей в виду: я своё сделал. Опоздаешь – с тебя и спрос.

К вечеру погода вновь переменилась. От летнего разморёна не осталось и следа – как не было. Небо – накануне насыщенное ослепительной голубизной – помутнело. Портовые здания подтаяли в тумане. С моря потянуло порывистым, обжигающим ветром. Неснятую волейбольную сетку рвало и мотало. Мокрый песок взлетал, будто мошкара, и хлестал по глазам.

Нужное судно Бероев нашёл не сразу. Жизнь на портовых причалах кипела. Под погрузку-разгрузку встали прибывшие с караваном лесовозы. Выгружалось оборудование и вездеходы, грузились в трюмы связки брёвен. Визг лебёдок, гвалт, матюги грузчиков.

Лишь у дальнего причала отыскался «Ястребок» – спичечный коробок на фоне океанских судов. Пришвартованный катер, на корме которого громоздились четыре огромные 400-литровые бочки, мотало на стывших волнах. Кранцы из автопокрышек постукивали о мокрые доски причала. На берегу была свалена куча из метиза. Ветер бился в неё, норовя разрушить, отчего шум моря смешивался с металлическим грохотом. По сходням сновали несколько якутов, перетаскивавших метиз в трюм. Они подбегали к куче, хватали в охапку кастрюли, тазы, бельевые баки и, придерживая подбородком, возвращались на борт.

На причале Бероев разглядел две нахохлившиеся фигуры. Кутался в брезентовый плащ Потвин. Подле него, на уголке потёртого фибрового чемодана, сидела сгорбившаяся баба в демисезонном пальтишке и слезалом пуховом платке, краем которого она закрывала лицо

от пронизывающего ветра. Сам Олег принарядился в новенькое армейское обмундирование. Ловко на нём сидевшее, а главное – удобное, не стесняющее движений.

При звуках шагов Потвин обернулся, с деланным радушием протянул руку Бероеву.

– Проводить пришёл. Лично, так сказать, убедиться, что всё в порядке.

Олег спрятал усмешку. Ещё бы не в порядке. Потвин явился убедиться, что катер отчалит без Виталины.

Из рулевой рубки на седловатую палубу то ли вышел, то ли выпал костистый человек в бушлате и морской фуражке. Он ухватился за мачту, покачался, налаживая равновесие.

Не выпуская мачты, пнул сапогом подвернувшегося якута.

– Чурки хреновы! Только под ногами путаются, – разнесло ветром – вперемежку с отборным матом.

Покачиваясь, он добрался до борта. Вгляделся в людей на причале. Прокашлялся.

– Я – капитан катера Моревой. Сказали, будто посудомойку пришлют, – в никуда сообщил он.

Женщина поднялась. Коренастая, крепкая. На отёкшем лице обнаружились нелепые солнечные очки.

– Вершинина я! – угрюмо представилась она. – Надеждой Фёдоровной кличут. Можно просто – Фёдоровна. От морпорта на сезон прислали. Стажа для пенсии добрать. Могу и по чистоте помогать.

Моревой, не ответив, всмотрелся в мужчин.

Потвин выступил вперёд.

– Это кинооператор Бероев, – представил он Олега. – Попутчик ваш до посёлка.

Моревой напряжённо соображал.

– Вас должны были предупредить в порту, – напомнил Потвин.

– Предупреждали – не предупреждали. Может, и предупреждали... Да и хрен бы с ним...

Гена! – представился он свойски.

– Олег! – ответил Бероев.

– Виталина! – послышалось сзади. Виталина в штормовке и полусапожках, тяжело отдуваясь, опустила на землю объёмистый рюкзак.

– Бежала. Боялась опоздать! – сообщила она.

Потвин посерел:

– Витали!.. Да что вы надумали? Обо всём же договорились! Вы на море гляньте. Хорошая волна перевернёт – и с концами.

– Это да. Это как не хрен делать, – согласился Гена. Море и впрямь свирепело. Катер постукивало кранцами всё энергичней.

– Говнюк не появлялся? – поинтересовался вдруг Моревой. Пассажиры на причале озадаченно переглянулись.

– Да не о вас я, – успокоил их капитан. – Механик мой запропал. Такой уркаган! Тюрьма по этой падле плачет.

– Замучаешься сажать! – ответили ему. Стоящих у трапа окатило густым сивушным духом. Подле них покачивался выступивший из темноты очень крупный мужик в бушлате, в болотных сапогах. Маленькие глазки на бурой, распаренной физиономии затаило пьяной поволокой.

– Толян Вишняк, механик и штурман этой галоши, – представился он. Сжал волосатый кулачище. Икнул. К сивушному перегару добавился сильный чесночный дух. – Насчёт волны – не бойсь, сухопутные салаги! Мореманы в болотах не тонут! «Лапти» ваши мне как два пальца!..

По трапу сбежали два якута – за остатками посуды.

Толян насупился.

– Копаются, звери?! – Подобно капитану на палубе, он попытался долбануть сапогом по пробежавшему мимо якуту. Поскользнулся. Пьян он был просто изумительно.

– Ничего! Их же двое. Капитан как будто потрезвее, – неуверенно успокоила то ли других, то ли себя Виталина.

– Отчаливаем спехом! Вот-вот Боден заявится! – выкрикнул Моревой.

И будто накликал: из свинца, накрывшего Тиксинскую бухту, вынырнул портовый катерок.

На палубе, ухватившись за мачту и широко расставив ноги, стоял приземистый, с окладистой рыжей бородой крепыш.

Поравнявшись с «Ястребком», приложил к губам рупор.

– Внимание всем! Говорит капитан порта! В связи с ухудшением погоды порт закрывается. Выход в море всем типам судов запрещаю. Приближается шторм. Повторяю! Выход в море по погодным условиям запрещаю! Все разрешения на выход в море отменяются до завтра! – Катерок продолжал идти вдоль побережья, растворяясь в тумане. Бас бородача глох вдали. – Внимание! Выход в море запрещаю!.. – донеслось совсем слабо.

– А во... тебе! – Толян, нещадно матерясь, полез на борт.

– Отчаливаем! – Подбежавший капитан потянулся к трапу. Увидел сбившуюся группку. Вспомнил. – Живо на борт!

Четверо остолбенели, увидев то, что не так заметно было со стороны. Похоже, капитан был не трезвее своего механика.

– Ну что? Плывёте или – пошли вы?..

Он взялся за трап. Вершинина подхватила чемоданчик и грузным шагом взошла на борт. Бероев колебался. Такого не ожидал. Экипаж из двух пьянующих мужиков на катерке в штормовом арктическом море – явный перебор. Но и сорвать задание было нельзя. Положившись на доброго своего ангела-хранителя, Олег подхватил перевязанную аппаратуру.

– Не поминайте лихом! – крикнул он разудало. Помахал остающимся.

– А рюкзак девушке поднести, кавалер? – пискнула Виталина.

– Думать забудь, дурёха! – рявкнул Бероев. – Это ж пекло!

– Пекло, Виталиночка! Ещё бы не пекло! – подхватил Потвин. – Сама погляди! А в гостинице-то уютно! Портвешок на двоих.

Он попытался ухватить Виталину за талию.

Может, она б осталась. Но, услышав про портвешок на двоих, своенравная девчонка решила и, вырвавшись из рук Потвина, последней взбежала на борт.

Трап подняли. Капитан вошёл в рулевую рубку. Следом ввалился механик. Мотор добавил оборотов. Берег растворился в тумане. Необратимое свершилось.

Трое безнадзорных пассажиров растерянно переглянулись.

– В каюту, что ли? – предложил Олег. Носовая каюта была перегорожена деревянной перегородкой. Дальняя, обжитая часть состояла из двух кроватей, на которых в беспорядке были разбросаны мужские вещи. Передняя с пристёгнутыми нарами пустовала.

Едва покидали багаж, как катер подбросило, будто автомобиль, с разгону угодивший в дорожную яму. В следующую секунду всех троих потащило к правой стенке.

– Накренило, кажись? – опасливо догадалась Вершинина.

– Они что там, штурвал потеряли? – вымученно пошутила Виталина.

Бероеву почудилось, что в завывания ветра и волн вкрапились обрывки надрывных выкриков. Он метнулся наружу. За ним выскочили женщины. Кто-то из них ойкнул.

По пустой палубе среди потоков воды катались капитан и механик – мутузя друг друга. С ощерившимися, искажёнными ненавистью лицами. Капитан Гена, запрыгнув своему механику на спину, изо всех сил сдавливал ему горло.

– Удавлю, паскуда! – хрипел он. – Это тебе не пацанов топить!

Но крупный Толян перевернул Гену и подмял под себя.

– Сам сдохнешь! Выброшу за борт! Одним больше – одним меньше! – пообещал он.

Ухватив капитана за волосы, приподнял голову, чтоб садануть затылком о палубу.

Гена как мог изворачивался, сиюсья дотянуться зубами до кадыка.

Вишняк, размахнувшись кулачищем, будто молот, опустил его вниз. Капитана спасла новая, обрушившаяся на палубу волна.

Ловко откатившись, он вскочил и припустил в каюту.

Толян, в свою очередь, бросился в камбуз и тотчас, дико вращая глазками, выскочил с тесаком в руках. Из каюты с двустволкой наперевес выбежал Гена.

– Где этот?! – Он передёрнул затвор.

В следующую секунду они увидели друг друга. Ощерились. Сомнений не осталось – шла битва на выживание.

Новая волна ударила сбоку.

Механика отбросило затылком о борт. Дёрнувшись, он затих. Капитан удержался на ногах, ухватившись за мачту.

– Бочки! – ахнула Фёдоровна.

Четыре огромные 400-литровые бочки с машинным маслом медленно сползали к правому борту, увеличивая опасный крен, – их попросту забыли закрепить. Масло подтекало, смазывая и без того скользкую палубу.

Виталина взвизгнула и в панике побежала вниз, в трюм.

Ждать, чем всё закончится, не приходилось. Бероев вырвал у Моревоего ружьё, подхватил под мышки самого, затащил в рубку, встряхнул пару раз.

– Вести сможешь?! – крикнул он в ухмыляющуюся рожу. Положил руки капитана на штурвал.

– А то! Мы – мореманы!

Странное дело, ощутив под рукой штурвал, Моревой ловко крутнул его, повернув катер по волне. Приложил к глазам бинокль, ещё подвернул.

– Углядел-таки падлу! – Он хвастливо ткнул в пройденный буй. – А их, таких, знаешь сколько до Быкова мыса буюв-разуёв! Не углядишь – на мель днищем и на корм рыбам! Мелкодонье! Тут ас нужен. Не какой-то там говнюк – Вишняк. Только и сноровки, чтоб салаг за борт швырять.

– Кого за борт? – не понял Бероев.

– А кого – никого! Все равно убиюга. И нас, понимаешь, втянул!

Кого и куда втянул, Бероев понять не успел. Крен увеличился.

– Бочки вы не закрепили! – Олег показал на палубу.

– Да и хрен бы с ним! – беззаботно ответил Гена. Глаза его вновь заволокло пьяной поволокой. Накренившийся катерок, впрочем, он вёл как будто уверенно.

Бероев вылетел из рубки.

Бочки меж тем ещё сдвинулись к борту. Одинокая Фёдоровна, подставив спину под крайнюю бочку, упиралась ботами в скользкую палубу, тужась замедлить её сползание. Бочка качалась и грозила, опрокинувшись, переломить хребет упрямыце. С неё сбило нелепые очки. Олег увидел левый глаз, затянутый бельмом.

Четыре бочки. Больше полутора тонн дополнительно на правый борт – такого крена катер не выдержит. Попросту перевернётся. Бероев кинулся на подмогу.

– Вдвоём не совладаем! – выдохнула женщина.

«Кто-то же таскал метиз», – припомнил Олег.

Как был с ружьём в руке, побежал в трюм и – оторопел.

Полуобморочная Виталина, вцепившись в поручни, разглядывала трюм. А там, подле сваленного метиза, расположилось человек тридцать якутов – мужчины, женщины. Сидя на корточках, они мерно, будто в молитве, раскачивались. Все сбились на правую сторону, увеличивая крен.

Бероев поспешил назад в рубку. Гена, навалившись на штурвал, что-то подмурлыкивал себе под нос.

– Там бочки сползают! Крен растёт! – крикнул ему в ухо Олег. – И ещё якутов вы в трюм понапихали. Что делать-то?

– А чё теперь сделаешь? Повыкидай их за борт. И всех делов. – Капитан расплылся в безмятежной улыбке.

Олег понял: помощи отсюда ждать не приходится. Хорошо хоть, кое-как штурвалит.

Бегом вернулся в трюм.

– Пересесть на другую сторону! – заорал он. Тридцать округлых голов повернулись в его сторону. Тридцать пар узких равнодушных глаз, смотрящих, но не видящих.

«Да они ж пьяней вина!» – сообразил Бероев.

Церемониться было некогда.

– Живо к левому борту, или я вас сам вдоль него рядом сложу! – Бероев выстрелил вверх голов. В одного из сидящих воткнулась отколовшаяся щепка. Вскрик вывел из простратии остальных. Якуты вскочили. Подгоняемые дулом ружья, перебежали к левому борту.

– Теперь сесть и не елозить, будто гвоздями прибиты! – Он всунул ружьё Виталине: – Дёрнутся, стреляй!

– Как это? По живым? – задохнулась та.

– Выстрелишь – станут мёртвыми.

Он пригляделся. Отобрал четверых мужчин, внешне посильнее и потрезвей прочих. Кого за шкуру, кого пинками заставил подняться и погнал на палубу. Отобранные якуты безропотно принялись карабкаться наверх. Оставшиеся продолжали невозмутимо покачиваться. Никто не останавливал, не протестовал. Бероеву припомнилась охота на котиков, что довелось наблюдать на Камчатке. Несколько безоружных по сути охотников отсекали от огромного стада десятков-другой «холостяков» и неспешно гнали через лежбище на убой – среди абсолютного безразличия остальных.

* * *

На палубе упрямица Фёдоровна приспособила какую-то доску и тщетно пыталась подсунуть под днище крайней, самой опасной бочки.

Навыка двигать по палубе в шторм 400-литровые бочки Бероев не имел. Рассчитывать оставалось на собственную смекалку.

Скользя в масле и рискуя быть смытым за борт, он принялся обвязывать бочки тросами. Обмотался канатом сам. Концы кинул якутам. Те тянули тросы, а вместе с ними бочку на себя. Олег вместе с Фёдоровной помогали с другой стороны. Упирались в бочку лбами, елозили сапогами по скользкой палубе, падали, обдирались. Передвинули-таки.

Лиха беда начало. Принялись за следующие. Минута за минутой, получас за получасом, бочка за бочкой. Вернули на место. Тросами, деревянными брусьями кое-как закрепили.

Ненадёжно, конечно. Не дай бог опять поперечную волну. Но вроде выдохнули. Протрезвевших якутов отпустили к своим, в трюм.

Отпросилась в каюту и обессиленная Фёдоровна.

– Отлежусь чуток! – просипела она. Провела пальцем по Алькиной одежде. Новенький армейский комплект висел на Бероеве мокрой, промасленной, объелозенной половой тряпкой.

– Попробую, конечно, застирать, – с сомнением пообещала Фёдоровна. Покачиваясь, отправилась в кубрик.

Олег и сам валился с ног. Да и тело, битое-перебитое от падений, в кровавых подтёках от тросов и канатов, требовало расслабления.

Но, прежде чем погрузиться в сон, Бероев заглянул в трюм. В нос шибануло тяжёлым запахом блевоты. Якутов рвало прямо под себя.

Виталина содрогалась – с платочком у рта, привалившись к поручням.

– Наверх! – Бероев, загородив нос рукавом, вытащил её на палубу.

Девушка принялась жадно глотать воздух. Пошатываясь, побрела к рулевой рубке. Проводив её взглядом, Олег отправился глянуть на штурмана.

Заваленный бухтой каната Толян, раскинувшись на спине, будто море широко, мирно храпел. С детским, растроганным выражением сглатывал плещущуюся через борт солёную водичку.

Катер опять болтануло. Новая боковая волна ударила через борт. Обвязанные бочки вновь опасно качнулись.

– Олежка-а! – Истошный вопль Виталины покрыл рёв моря.

Оступаясь, Бероев добрался до рубки.

На полу, посреди штормового моря, спал капитан. Штурвал мотался сам по себе.

Бероев прыгнул, ухватился за рукоятку. Ногой брезгливо сдвинул алкаша в угол.

– Т-ты... умеешь? – пролепетала Виталина.

«Откуда?» Бероеву доводилось водить катера. Но – на реках и на Байкале. Да и то под присмотром капитана. А уж чтоб вести в арктическую бурю морское судно – не хотелось и думать. Думать, впрочем, было поздно! Да и не признаваться же насмерть перепуганной девчонке!

Единственно, он знал: чтобы дойти до конечной цели – Быкова мыса, надо держаться вдоль Быковского полуострова. И маршрут этот, как успел сообщить капитан Гена, проходит по мелководью. Мутный свет прожектора упирался в кромешную мглу. Дворники, хоть и лупцевали наотмашь вправо-влево, с потоками воды не справлялись.

– Страшно-то как! Легче самой утопиться, – призналась Виталина.

– Не ищи лёгких путей, – отрубил Бероев, безуспешно разыскивая лоции. – Мели отмечены буйами, – вспомнил он. – По буйам и пойдём.

– Как тут разглядишь? – Виталина потёрла локтем мутное стекло.

– Надо разглядеть!

Бероев тихонечко принялся подворачивать штурвал, стараясь вернуть катер по волне. Молясь своему ангелу-хранителю, переключил рычаг на малый ход. Вроде получилось.

Принаравливаясь, пошире расставил ноги. Скоился на трясущуюся девчонку. Протянул ей бинокль.

– Слушай приказ по судну! – объявил он. – До прихода в порт Виталина Ташевич назначается исполняющим обязанности штурмана и отвечает за мелководье. Можешь протереть глаза до дыр. Но – буй чтоб разглядеть! Иначе глаза вовсе не понадобятся.

– Как это?.. Есть разглядеть! – Виталина выглянула через боковую дверцу. Всмотрелась через бинокль, потом – без него.

– Так даже лучше, – сообщила она.

Бероев меж тем судорожно пытался разобраться в приборах.

– Скоро должен быть очередной буй, – прикинул он.

Виталина не ответила. Подавшись вперед, тёрла глаза.

– Есть! Вижу! – истошно закричала она.

Увидел и Олег. Аккуратно подвернул штурвал. Буй оставили слева.

– Одну мель прошли! – объявил он.

– Где одна, там и остальные, – ответила расхрабренная Виталина. – Что нам, морема-нам?

Олег поощрительно засмеялся. Нахмурился грозно:

– Штурман! Не расслабляться! Вот-вот будет следующая.

– Есть не расслабляться, капитан! – в тон ему ответила Виталина. Вновь вперилась в туман.

Второй буй приносившийся Бероев заметил первым. Дал время увидеть штурману. Дождавшись выкрика:

– Вот же! Вот! – прижался правее.

Прошли ещё два буя. Попривыкли. Напряжение начало спадать. Да и волна подутхла. Видимость улучшилась.

– Видал, как я мели прошла? Как орешки отщёлкала, – расхвасталась Виталина. – Учись, студент. Что б ты вообще без меня делал!

– Утонул!

– То-то. А молодцы мы, что не побоялись плыть! – Виталина совсем расхрабрилась. Дистанция меж паникой и самодовольством в ней была, кажется, толщиной с фольгу.

Бероев согласно кивнул.

– Пожалуй, твой муж должен мне проставиться, – прикинул он.

Виталина поскуичнула:

– ...Вообще-то не муж он мне! Да и я... У меня на самом деле только четвёртый курс. Мне это как практика. На третьем курсе сошлись. Теперь замуж уговаривает.

Бероев озадаченно повёл головой:

– Сама-то готова?

– В Москве готова была. Вроде клёвый мужик. С квартирой. Перспектива. Влюблён по уши. Да и девки подзуживают, – мол, будущее светило. А здесь и не знаю. И чего вообще попёрлась?

Она приуныла.

– Трудная штука жизнь!.. Ой, вот же ещё! – запоздало выбросила она руку.

Впереди проступил Быковский мыс.

– Штурман Ташевич! – Бероев подобрался браво. – Объявляю благодарность по судну. Вахта окончена. Ступайте отдыхать.

– Есть окончена! – Виталина, с которой спало напряжение, зевнула. – А это... парковаться-то умеешь? – забеспокоилась она.

– Знаю способ, – успокоил её Бероев. Оставшись один, с силой приподнял Гену, тряхнул пару раз, так что у того клацнули зубы, а в глазах появилась осмысленность, прислонил, как в прошлый раз, к штурвалу.

Ещё прежде, чем капитан очухался, руки его забегали. Штурвал, рвавшийся из-под чужака, присмирел, будто конь под хозяином, катер издал причальный гудок – и пошёл прижиматься к берегу.

Более беспокоиться было не о чем. Бероев прямо на палубе, на ходу, содрал с себя «убитую» амуницию, добрался до кубрика и рухнул на какой-то тюфяк меж двумя спящими женщинами.

Проснулся Бероев в пустом кубрике, когда солнце было уж высоко в зените. Выглянул.

Катер, свежевывскобленный, стоял у причала Быковского мыса, сцепленный бортами с гружёной баржей.

На барже, в обнимку со старыми ружьями, сидели на мешках два якута-охранника. Две копии: с одинаковыми округлыми лицами, с прямыми, с горбинкой, носами, узенькими глаз-

ками. Единственно – один дышал улыбочивой свежестью. На лицо же другого словно накинули сеточку-паутинку из морщинок. Эта копия была лет на двадцать старше.

Фёдоровна, широко расставив крупные ноги в ботах, истово драила тряпкой палубу, швабра валялась рядом. При звуке шагов разогнулась натруженно, потёрла поясницу.

Бероев демонстративно приняхался.

– Чисто, – сообщила она. – Якутов наших только-только спровадила. Прежде заставила весь трюм за собой выскрести. Так что из пассажиров, считай, вас двое осталось.

В сторонке, на махровом полотенчике, загорала Виталина. В распахнутом сатиновом сарафанчике.

Экипаж судна – капитан и механик – покоцанные и оплывшие, бесцельно слонялись по палубе. Меж собой они, похоже, по-прежнему не разговаривали. Но припомнить, каким образом «Ястребок» докатил из Тикси на Быковский мыс, не могли совершенно. Потому подозрительно поглядывали друг на друга.

Интересы у них, кажется, расходились во всё.

Моревой, хоть и трясущийся с похмелья, посматривал исподтишка на соблазнительную, как созревшая черешенка, Виталину.

Толян же крутился возле Вершининой. То и дело обходил её сзади, с аппетитом оглядывал склонённый объёмистый зад.

– Ну что уставился? – не оборачиваясь, буркнула Фёдоровна.

Толян крякнул смачно.

– Уж больно ты, Надька, мастью под меня.

– Отойди! А то махну тряпкой по роже! – сквозь зубы пригрозила та.

Толян ощерился.

– А ты не махни, а подмахни! – гоготнул он. – Мне ништяк, что ты с бельмом. Бельма, если кормой повернуть, вовсе не видно. Зато очень даже есть где причалиться!

Посмотрел на капитана, приглашая посмеяться над ядрёной остротой. Вспомнил про ссору, насупился. Не удержавшись, огладил посудомойку по заду.

Фёдоровна, не примеряясь, хлестнула тряпкой. Благодушия в Толяне как не бывало.

– Сучка одноглазая! – прошипел он. – Тебя за разнорабочую прислали?

– По кухне зачислили, – уточнила та.

– Один хрен! Считай себя в полном моём подчинении. Будешь послушной – всё отладится. А станешь кочевряжиться, день и ночь корячиться заставлю: что на кухне, что по катеру. Или вовсе на берег спишем!.. Так что ты со мной лучше по-доброму!

Он вновь потянулся ручищей. Фёдоровна отодвинулась, подняла швабру.

– А ты меня не стращай! – огрызнулась она. – Развели тут срач. Сойду если, так вовсе зарастёте!

– Эй, бугай! – вмешалась Виталина. – Ты чего разошёлся? Сначала за ночь заплати!

– Чего за ночь? – Вишняк растерялся.

– Чего? Оператору нашему, – указала она на Бероева, – как рулевому, мне как штурману! Надежда Фёдоровна вообще всю ночь с бочками провояла. Задаром, что ли, вас, пьянчуг, сюда целыми доставили?

Капитан со штурманом переглянулись.

– Ты-то сама кто? – насупился Толян. – Понтишь чего-то.

– Водку жрать меньше надо, тогда, может, чего бы запомнил! – дерзко отбрила Виталина. – В общем, ещё раз нахамись, доберёмся до полярки, где мне вылезать, там народ простой. Дам команду – живо тебе всей зимовкой объяснят, ху из ху.

– Чего – ху? Думаешь, одна ты материться умеешь? Выискалась, зараза! – Толян озадаченно поскрёб лысеющее темя. На всякий случай отошёл. Глянул на капитана. Но и тот лишь недоумённо повёл плечом.

Полярная станция «Сокол», в 119 километрах по восточному рукаву Лены, значилась первым пунктом маршрута. Но кто дал команду высадить там бойкую пассажирку и откуда она вообще взялась на судне, ни тот ни другой не помнил.

Бероев, позёвывая, будто только проснулся, протянул руку капитану.

– Чего не трогаемся, Гена? – любопытствовал он, как бы продолжая прерванный разговор.

– Да Кучум куда-то запропастился, – ответил озадаченный Гена. Оператор тоже выскочил у него из головы. – Кок наш бывший. Тот ещё хитрован. Под навигацию переметнулся экспедитором в райпо. Товаром командовать. – Он ткнул на баржу. – Фёдоровну эту как раз вместо него в камбуз прислали.

– Ещё б не переметнуться, – встрял Толян. – Оклад не в пример против нынешнего. А главное, слямзить есть откуда. Вовсе дураком надо быть, чтоб от райпо отказаться. А Кучум хоть и сволота последняя, но не дурак.

Гена хмуро кивнул. Впервые мореманы были заодно.

С берега на баржу, а через неё на катер ловко спрыгнул молодец лет под тридцать. Невысокий. Но подвижный и гибкий, будто хлястик. Миндалевидные глаза на красивом, с выдающимися скулами казахском лице быстро, по-рысьи, прошлись по палубе, вспыхнули, остановившись на броской Виталине. При виде понурых мореманов он поморщился:

– О! На пару суток оставить нельзя! Помятые, будто бочковые огурцы из рассола.

– Где пропал? – процедил Гена.

– Где, где... По делу! – Парень отчего-то подмигнул Бероеву. – О вас же, сволочах, забочусь. Знаю, поди!

Он чуть отвернул бушлат.

Оба моремана оживились.

– Так что ж ты попусту палубу подолом метёшь? – Толян чуть ли не любовно облапил казаха и повлёк в рубку. Следом заспешил Гена.

На ходу ткнул в живот Бероева:

– Вот он и есть, который за баржу отвечает! Рафик Кучумов... А это, стал быть, попутчики наши, – принялся он на ходу объяснять экспедитору. Закончил, видно, в рубке.

Олег, к спиртному равнодушный, присвистнул с досады: «Нет хуже, чем угодить на алкашей. Мало было двоих. Ещё и третий для комплекта!»

Видно, все чувства проступили на его лице. С баржи откликнулся старший якут – охранник.

– Ничего, – произнес он. – Дальше по Лене пойдём. Магазинов нет. Выпить нет. Образуется!

Фёдоровна ткнула пальцем в трюм баржи.

– Да как образуется, если у вас, дьяволов, плавающий магазин под боком!

Якут насупился.

– Не! – сообщил он. – Кучумов, он только чуть-чуть пьющий. Потом мы – охрана! До посёлка под печать никого не пустим.

Он воинственно похлопал по ружью.

– И на том спасибо, – скупой порадовалась Фёдоровна. – Как хоть зовут-то вас, охранителей?

Старший осклабился дружелюбно.

– Я – Микитка, он – Кирилка. Вторую навигацию ходим. Ты на нас надейся.

– Ну разве что. – Фёдоровна с сомнением оглядела сторожевое воинство.

Через полчаса катерная команда выбралась из кубрика. Все трое оживлённые, деятельные.

– Поезд отправляется! Первая остановка – полярная станция «Сокол». Расстояние 110 километров, – объявил Гена, словно заправский диспетчер. Всего полчаса назад едва волочивший ноги, теперь он аж в ладоши в нетерпении пристукивал. Капитанская фуражка на голове оказалась перевернута козырьком назад.

Спарка – сцепленные катер с баржей «под бортом» – отвалила от пирса.

Июль – разгар арктической навигации. Отовсюду доносится гул приветственных гудков. Порыкивают мелкие катерки, бегемотами ревут пароходы. На Якутск прошёл рейсовый теплоход «40 лет ВЛКСМ», – из громкоговорителя над рекой загромычала мелодия: «Две девчонки танцуют, танцуют на палубе». Важно пропыхтел земснаряд «Яна» – снимать с мели очередного бедолагу. Самоходки, буксиры с плотами. Среди прочих судов тужился, загребая против течения, и гружёный «Ястребок».

Начиналось новое путешествие – через дельту могучей Лены в Оленёкский залив моря Лаптевых, где на краю земли вцепился в смёрзшиеся скалы самый северный посёлок Советского Союза – таинственный Ыстаннах-Хочо.

Кучумов меж тем подошёл к Бероеву.

– Рафик! Можно – Кучум, – представился он. Нацеленный взгляд его, куда бы он ни поворачивался, будто стрелка компаса, возвращался к одному и тому же месту на палубе – где загорала Виталина. Под вожделирующим мужским взглядом Виталина чуть изогнулась, приняла томную позу.

– Твоя? – напрямую спросил Кучум.

– К мужу едет, – ответил Олег.

Кучум отчего-то обрадовался.

– Тадысь ладно. Тадысь сладимся. По всему видать – хо-одкая тёлка!

– Ты б остыл! Она на «Соколе» выходит, – напомнил Бероев.

– Так это когда ещё! Да и потом мало ли что...

Пританцовывающей походкой он отправился к Виталине, подсел. Зашептал. До Бероева донеслось женское хмыканье, обрывки слов: «Как попросишь, а то и колбаской по Малой Спасской...» Следом долетел шепоток Кучумова:

– Рафик меня зовут. А по правде – Рифат. Что значит «благодетель». Кто со мной подружится, ни в чём отказу не будет.

– Зато у меня с отказом не заржавеет, – отвечала Виталина.

– Понимаю. Красота особого подхода требует, – согласился Кучум – с намёком.

– Ну-ну. Поглядим на ваши подходы.

Завязался оживлённый, игривый разговор. Для Виталины, как уже знал Бероев, – привычное кокетство. Но для Кучума девичьи слова были полны намёками и сладостными обещаниями.

Слово за слово – Виталина опять вошла в роль обольстительницы и то и дело постреливала глазками в собеседника, а поверх него – в Бероева: слышит ли?

Бероев делал вид, что не слышит, и раздосадованная его равнодушием Виталина мурлыкала что-то, чем дальше, тем завлекательнее, всё более горяча ухажёра.

Меж тем установилось пекло.

Олег разделся до плавок, вынес кинооборудование и карабин на палубу и принялся с ними возиться. Сначала перепроверил аппаратуру. Затем принялся за любимое дело – полная разборка-сборка оружия.

Рафик, припав к девичьему ушку, азартно нашёптывал. Виталина, выставив локоток, удерживала нетерпеливого, норовившего притиснуться поближе казаха.

– Бероев! – окликнула она. – Рафик предлагает ночное купание на пляже. Уверяет, что на всю жизнь память. Как тебе, слабо в студёную воду при свете полярной луны?

– Слабо! – подтвердил Бероев.

– Ну и лопух! – Раздосадованная Виталина поднялась, выдернула полотенчику из-под Кучума. Отмахнулась от горячего шёпота. – Ладно, ладно! Сказала же: к вечеру поглядим на ваше поведение!

Проходя мимо увлечённого работой Олега, фыркнула и скрылась в каюте.

Рафик вернулся к Бероеву.

– Вот ведь коза игривая! Аж зубы сводит. Видно, что вся сочится. А всё-таки для порядка хорохорится.

Бероев нахмурился – пошлости он не терпел.

Меж тем Кучум, решивший, что оператор ему не соперник, принялся не стесняясь делиться планами.

– Только бы к вечеру на бережок затащить. Там уломаю. А после на баржу, в каюту! – Он аж зажмурился в предвкушении.

– А охрана? – Олег показал на якутов.

– Зверьё-то при чём? Ещё не хватало в кубрик их пускать. По тюфяку к борту кину. Там и жить будут.

Прежде чем скрыться, ещё раз скоился на каюту, где мелькнул силуэт Виталины.

Мучился и Толян. Этот на красавицу-девку не замахивался. Даже не поглядывал. Он рубил сук по себе. Измаявшийся без женщин, на свой лад обхаживал посудомойку. Не отбила охоты даже тряпка, которой огрели его поутру.

Фёдоровна, похоже, привычная к подобным незатейливым приставаниям, отшивала уха-жёра без нервов. Просто время от времени показывала мокрую тряпку.

Незаметно подступил удивительной красоты закат. Белое солнце в золотую каёмочку, и без того низкое, потихоньку, будто примеряясь, сползло с небесной голубизны в воду.

Всё вокруг – реку, горы, тундру – залило золотом.

Суровые, нависающие скалы из вечной мерзлоты по правому берегу превратились в причудливые позолоченные дворцы и замки. Будто их из морского песка слепили.

Левый, поросший зеленью берег заиграл изумрудом.

Бероев, ахнув, кинулся снимать.

Катер меж тем понемногу покрывал расстояние до «Сокола».

Планировали добраться к ночи. Оживление Виталины спало.

Она уже не кокетничала с Кучумом. Лишь изредка огрызалась, когда домогательства становились чересчур настырными. Вот уж в ком напору не убывало, так это в Рафике. Он искренне не понимал перемену в настроении лёгкой, казалось, добычи. И по мере приближения к полярной станции в натиске его всё больше проступали нетерпеливые, озлобленные нотки.

– Да ведь договаривались искупаться, – разносился по катеру нетерпеливый шепоток.

– Какое искупаться, когда катер плывёт, – вяло возражала Виталина.

– А если б причаились?!

– Ну, если да кабы!

– Сговорились!

Кучум кинулся в рубку.

Виталина под села к Бероеву, с усмешечкой возложила ему на плечи руки:

– Не жалко со мной расставаться?

– Жалко – не жалко. – Олег смутился. Беспечная и взбалмошная Виталина ему и впрямь понравилась. Особенно привлекала необычная помесь эдакой неотразимой вамп и капризной, пугливой девчонки. – Пустой это разговор. Вот-вот у мужа будешь.

Виталина пасмурнела.

– Всё вспоминаю, как мы с тобой... штурманили.

– Да! Это было неслабо, – согласился Бероев. – Будет что вспомнить.

Виталина нахмурилась.

– Так и расстанемся? – зло произнесла она.

Катер меж тем резко прижался к берегу. Заглох двигатель. Моревой с Вишняком прошагали в каюту.

– Поспать надо. Притомились, – бросил Гена, прикрывая рукой выпирающий внутренний карман.

Причина сговорчивости экипажа расшифровывалась без труда – Кучум из райповских запасов выделил мореманам на двоих бутылку спирта.

– Похоже, всю ночь простои́м... – Виталина отчего-то обрадовалась. – И пекло это уже достало. А может, и впрямь искупаемся?

Она мотнула подбородком на берег, где река делала поворот.

С баржи перебрался Кучум.

– А я жду, жду. Вижу, запропастилась. Думаю, не случилось ли чего?

Он тревожно зыркнул на Бероева.

– Не случилось. С этим мямлей никогда ничего не случится! – успокоила его Виталина. – Ну что время тянешь, Рафик? Купаться так купаться! – задорно выкрикнула она. – Где наша не пропадала! Сколько там температура воды? Лёд хоть не плавает?

У Кучумова аж клокотнуло в горле.

– У меня как раз коньячок припасён, чтоб после купанья не заболеть... Здесь осторожней, досочка гуляет!

Как истинный джентльмен он подал даме руку.

– Не поминай лихом, Бероев! – донеслось с баржи.

Олег нахмурился. Он уж понял, что добром эти игрища не кончатся.

Из носовой каюты меж тем донеслись злые выкрики Гены и Толяна. Похоже, ссора вспыхнула заново. Памятуя о тонких отношениях меж мореманами, Бероев решил лечь на палубе.

Сон не шёл. Сквозь непрочную дремоту Бероеву почудились неясные, хриплые звуки. «Оле!..» – придушенный оборвавшийся вскрик пробудил окончательно.

Палуба катера была тиха и пуста. Но на барже, у распахнутой двери в каюту, шла борьба. При тусклом свете металлического светильника Олег разглядел трепыхающееся женское тело, мужскую ладонь, облапившую рот, и другую – с ножом у горла. Кучум и Виталина. Виталина отбивалась, Кучум, безмолвно сопя, втягивал её в каюту.

Бероев схватил бутылку минералки, что приготовил на ночь, метнул. Лампочка на светильнике разбилась с чпоканьем, рассыпалась вниз осколками. От неожиданности насильник выпустил жертву. Протёр глаза. А когда проморгался, перед ним уже стоял Бероев.

Виталина, в располосованном сарафане, в одних трусиках, укрывая рукой голые груди, спряталась за подоспевшим спасителем.

На крики сбежались остальные. Фёдоровна в наброшенном на ночную рубаху сатиновом платке, мореманы – в трусах.

– Пёрышко брось, – предложил Бероев.

Кучум злым движением отбросил нож.

– Ублюдок! – выругалась Виталина. – Яйца бы тебе отрезать.

– Ты-то заткнись, динамистка грёбаная! – выкрикнул Кучум. – Напросилась по ночи. А как до дела – на попятный. Профура! Хуже любой проститутки.

Он забористо выругался, сцыкнул, ловко угодив в лицо Виталине, и вернулся в каюту.

Фёдоровна, растолкав мореманов, зашла следом. Вышла с бюстгальтером. Кинула Виталине:

– Надень, дурёха! Ты б ещё прямо нагишом к нему ввалилась!

– Да я искупаться согласилась! – выкрикнула Виталина. – Что ж, если искупаться, так уж и ноги раздвинуть?

Мореманы, криво усмехаясь, вернулись на катер. Общественное мнение оказалось на стороне насильника.

– Потому что сами сволочи! – Виталина всхлипнула от обиды. На палубе баржи, на тюках, всего-то в нескольких метрах, безмолвно покачивались оба охранника с ружьями меж колен.

– Вы-то что глядели?! – прикрикнул на них Бероев.

– Груз глядели, – степенно ответил Микитка. – Никто бабу не тащил! Баба сама пришла!

– Уроды косоглазые! – Виталина с сожалением повертела порванный сарафан, дрожащими руками принялась застёгивать бюстгальтер. – Завтра же заявление подам.

– Кому? – Фёдоровна помогла ей застегнуть лифчик. – В лесу прокурор – медведь. Самой соображать надо, прежде чем задом перед мужиком крутить. Мужик всюду падкий. А здесь и вовсе дикий.

Она вынула из сжатой ладони Виталины металлическую цепочку с камушком. Лицо её вспыхнуло. Прикрыв невидящий глаз, оценила камень на свет. – Ишь какой!.. Откуда?

– Да с этого гадёныша сорвала! В морду взад кинуть! – Виталина потянулась, но Фёдоровна быстро спрятала руку за спину.

– Мне отдашь?

– Глаза б не видели! Только – не моя же она! – Виталина удивилась. – И золотишко на цепочке, похоже, дешёвое.

– Кому дешёвое, а кому и стодится. Я падкая на побрякушки, – призналась Фёдоровна. – Да и до пенсии рядом. Тебя-то мужики всегда обдарят. А мне нужно будет на что-то доживать.

Цепко ухватив добычу, она вернулась на катер.

Следом перебрались и Бероев с Виталиной.

– Ты сам виноват! – бросила в сердцах Виталина. – Согласился бы искупаться по-хорошему, ничего б не случилось.

Ответа не дождалась. Бероев принялся заново укладываться.

– Ладно. Спасибо тебе, конечно, – буркнула она. – Второй раз спасаешь... Ну полно дуться! Сама уж не пойму, куда несёт, зачем.

Потянувшись, она поцеловала Бероева в губы, оставив на них свежий, арбузный аромат. Облизнулась аппетитно и – спустилась в кубрик, где алчная старуха всё не отводила глаз от дешёвенького амулета.

Ночная духота, сродни дневному пеклу, сморила-таки Бероева. Под утро, облившись водой из ведра, притулился к брезентовому рулону и кое-как задремал. Очнулся, заботливо прикрытый порванным сарафаном и с тоненьким носовым платком на лице.

Солнце стояло в зените. Катерок бойко молотил воду.

Из-за брезента доносились голоса. Разговаривали двое.

– Слышь, чего говорю! – услышал Бероев хриплый от нетерпения голос Вишняка. – Пойдём в закуток. Ну чё ломаешься?

Послышались звуки борьбы.

– Отвянь, холера! Нешто опять чем перетянуть? – ругнулась Фёдоровна. Бероев приподнялся было, но вмешаться не успел.

– Да погодь ты, шалава! – горячо зашептал Толян. – Не могу больше! Терпежу нет! Хошь, чтоб лопнул? Какой день колом! Я ж не за так. Я тя отдарю. Цацки-то, подметил, любишь. Наверняка за ними на Север сорвалась. И верно – для чего ещё, как не за деньгой? А тут разом срастётся. У меня на самом деле такое значено! Любая месяц давать будет – только покажи! – он пригнулся, горячо зашептал в ухо.

– У тебя-то ещё откуда? – усомнилась Фёдоровна. – По виду сам голодранец.

– Так пассажир один отдал... Только никому чтоб!

– И где он, твой пассажир?

– Смылся! – со злой ухмылкой хохотнул Толян. – Цепка ещё была.

– С кулоном? – живо уточнила Фёдоровна.

– Вроде. Но она так, дешёвка. Кучуму отдал. А вот это... – снова зашептал, глотая от нетерпения звуки. – Больших денег стоит. И никто не знает! Я тебе им отдарюсь. А ты меня, пока едем, обслужишь! Ну как? Сговорились? Только чтоб никому!

– Врёшь ты всё, поди! – бросила пренебрежительно Фёдоровна. Сбавила голос. – Ладно, покажешь. Но учти – понимание имею. Так что не вздумай медяшку какую-нибудь подсовывать. Да отвянь ты пока! И так все видят, как липнешь.

Бероев громко зевнул, делая вид, что только проснулся.

Рядом возникли крупные женские ноги с синюшными жилками на толстых икрах. Старое цветастое платье билось подолом по жёлтым ботикам.

Олег сел на палубе, принялся оглядываться, выискивая Виталину.

– Ссадили твою на зимовье, – сообщила Фёдоровна. – Она тебе и сарафанчик ссудила. Иначе обгорел бы. Ишь, палево какое!..Всё не хотела уходить. Да раз к мужу, что уж теперь? Теперь не вернёшь. Вона и Столб уж прошли!

Позади оставался могучий остров – знаменитый Столб. Огромный, за сто метров высотой, вдвое больше в ширину, – увесистый булыжник посреди реки.

Будто истинный пограничный столб, встал он границей меж самой Леной и её дельтой. Вот только у Столба этого не было низа. Огромная скала парила в воздухе.

Бероев аж головой затряс. Принялся протирать глаза.

– Мираж называется! – произнес рядом голос Кучума. – Воздух – холодный с тёплым – как-то перемешивается. Здесь все пугаются. А бывают и столкновения. Растворится корабль, так что одна труба плывёт.

Кучум – свежий, с голым мускулистым торсом – стоял рядом, неожиданно приветливый. Приподнял порванный сарафан.

– Что? Ни себе, ни людям? – поддел он Бероева. Впрочем, без прежней злобы. То, что деваха не досталась никому, смягчило его досаду.

Скреплённый с баржей катер как раз вышел из единого устья Лены в широченную, на тридцать тысяч квадратных километров, дельту и втягивался в западную протоку. От конечной цели – Оленёцкого залива – их отделяло сто пятьдесят километров.

Река впереди покрылась песчаными островками, будто кожа волдырями. За штурвалом стоял Вишняк.

– На мель-то не посадишь?! – крикнул ему Кучум. Подмигнул вышедшему из гальюна Гене. Оба обидно загоготали. Не терпевший насмешки Вишняк пасмурнел.

– Буде глотки драть, – огрызнулся он. – Было-то разок. А Оленёцкую протоку я как облупленную знаю. Так что не бойсь.

Бероеву тотчас припомнился бравый лоцман из «Волги-Волги», который тоже мог пересчитать все мели. Сажал и пересчитывал. Сделалось страшновато. Тем паче что никаких предупреждающих знаков на воде не было вовсе.

– Боишься, сядем? – спросил Бероев Кучума.

– Не боюсь. Наверняка сядем, – заверил его ехидный казах. Сдвинул презрительно. – Чтoб этот лох да не посадил?

На первую мель сели уже через полчаса – никто из мореманов не принял во внимание, что осадка гружёной баржи почти на полметра глубже катера. С руганью, матом кое-как снялись. Самоуверенности у Толяна поубавилось. Дальше спарка поползла робким ходом. Когда островков поубавилось, у штурвала Толяна подменил Гена.

Река менялась на глазах. Песчаное побережье преобразилось в высоченные смёрзшиеся напластования. Изменилось и небо. Если накануне облачка плавали барашками в необъятной синеве, то ныне, напротив, облака нависли сплошной ватой, так что редкие просветы меж ними смотрелись голубыми озерцами.

Олег схватил камеру и принялся снимать, любясь и прикидывая одновременно, какие нарезки получатся самыми выигрышными.

Ни на что другое внимания, казалось, не обращал. Но краем глаза заметил-таки, как, воровато озираясь, пролез в камбуз Вишняк. Через какое-то время нырнул в кубрик. А ещё через пяток минут следом, из камбуза в кубрик, прокралась Фёдоровна.

Бероева будто скребнуло по душе. После шторма, когда они с Вершининой бок о бок бились за спасение судна, он стал воспринимать её как товарища, на которого можно положиться.

Да, была она из приземлённых, придавленных жизнью баб, свыкшихся с беспросветным существованием. Но сохранялись в ней и крепость духа при опасности, и умение постоять за себя. Она напоминала ему женщин, тащивших на себе послевоенную страну. Корыстность, которой в ней не подозревал, готовность из-за добычи торговать собой, это впечатление перероачивали.

Минут через двадцать к Бероеву подсел Кучум. Закурил подле.

– Ловко у тебя выходит, – оценил он операторскую сноровку. – Много где снимал?

– Приходилось, – коротко подтвердил Бероев.

Из кубрика выбрался Толян – потный, грузный, с пузом поверх распущенного ремня. С сытым, подобревшим прищуром глянул на солнце, подтянул пряжку. Закурил беломорину.

Сообразительный Рафик шаркнул глазами по пустой палубе.

– Отутюжил-таки тётку. Вот уж в ком никакого вкуса. На что попало зарится, – брезгливо бросил он.

Толян ухмыльнулся обидно.

– Баба и есть баба. Ты-то, эстетист хренов, и вовсе с Дунькой Кулаковой остался.

Он густо зевнул и вразвалочку отправился к борту – покурить.

Из кубрика выглянула Фёдоровна, зыркнула. Наткнулась на чужие, усмешливые глаза. Поняла, что попалась. Густо покраснела. Склонив голову, прошла в гальюн и принялась остервенело полоскать рот.

– Отсосала, что ли?! – подколот Рафик. Подмигнул Бероеву. – Не задаром хоть?

Фёдоровна вовсе запунцовела. Вскинула озлобленное лицо:

– Как же! Далась бы задаром! Ищите дуру.

– Дура и есть! – Рафик совсем развеселился. – Нашла кому верить. Наверняка стекляшку или медяшку подсунул!

– А это видал?! – Посудомойка выхватила из кармана жакета тряпицу, развернула. На широкой ладони лежал увесистый самородок.

Узкие азиатские глаза казаха расширились едва не вдвое.

– Это что? Этот тебе?! – выдохнул он.

– Нагляделись?! – Фёдоровна быстренько свернула тряпицу и пихнула за лифчик.

Повернувшийся от борта Вишняк, в свою очередь, переменялся в лице. Вернулся.

– Говорено ж тебе, дурынде, было: никому!.. – прорычал он. – А ну, гони назад!

– Во тебе! – Вершинина отскочила. Ощерилась. – Только попробуй! Моё теперь. Отработала!

Озираясь на ходу, побежала в кубрик – прятать. Шагнувшего следом Толяна ухватил за рукав Рафик.

– Значит, всё-таки зажухал, жлоб?! – прошипел он. – Нам сказал, будто одни деньги были да цацка дешёвая. А сам эва чего! За это ответить придётся.

– Замучаешься спрашивать! – огрызнулся Толян, отчего-то смущённый. Оттолкнул Кучума. – Видал таких спрашивальщиков. Не вы! Я на себя всё взвалил. Мне и навар главный. А вы своё на халяву получили – и отвали! Выдача закончилась. Сунетесь с Генкой – люлей навалю. Здоровья на обоих хватит.

– А ну как не хватит? – процедил Кучум. – Думаешь, если бугаина, так можно не по понятиям? Подлянки никому не спущу!

В ответ Толян демонстративно высморкался в палец, показал на густую соплю на палубе. Растёр каблуком.

Кучум метнулся в рубку к капитану Гене. Закричал гортанно. Гена хмуρο кивал. Толян, набычась, покачивался в сторонке. Потом сцъкнул и вошёл следом в рубку. Начался общий, с размахиванием руками, крик.

Бероев ещё раньше понял, что меж этими тремя пролегла тайна, сделавшая их врагами. Но такая, какой не поделишься с чужими. И всё больше, кажется, угадывал подоплёку её.

В стороне, на палубе, опершись на привычную швабру, застыла Фёдоровна. С прежней, равнодушной угрюмостью смотрела она за нарождающейся сварой.

В рубке меж тем страсти выплёскивались из берегов. Единственно, что слегка успокаивало, – все трое были трезвы.

Вскоре оказалось, что трезвость не крепость для ненависти. Горячий казах дважды, что-то вдалбливая, дёргал Вишняка за рукав. Дважды Толян рукав вырывал. На третий раз ухватил Кучума за смоляные волосы и с размаха впечатал лицом о приборную доску. Залитый кровью Рафик с густым, будто боевая сирена, воплем прыгнул на механика, вцепился зубами в ухо. От боли Толян неожиданно тонко завизжал. Сзади на него напрыгнул Гена. Хрустнуло боковое стекло. Трое сплелись в клубок. Будто рысь с волком напали на крупного медведя.

Якуты-охранники как сидели на тюках баржи с ружьями меж колен, так и остались сидеть – с ленивым равнодушием наблюдая за дракой.

Катер повело вправо, прижимая баржу к очередному песчаному островку. Дождаться, когда сядут на следующую мель, Бероев не стал. С карабином на изготовку подлетел к рубке, выстрелил в воздух.

– Перестреляю! – закричал он с надрывом. Как за несколько дней до того пришлось кричать на пьяных якутов в трюме.

Оказавшийся ближе других Гена, остервенелый, с выпученными глазами, повернулся напасть на нового врага. Но Бероев, не дожидаясь, вжал дуло карабина ему в грудь.

– Ни полшага! – предупредил он. Показал глазами на приближающийся островок.

Опамятовавшийся капитан схватился за штурвал.

Бероев перевёл ствол на Толяна, то ли булькающего, то ли всхлипывающего.

– У, падлы! Обоих сомну, – прорычал Вишняк. Обхватив кровоточащее ухо, выбрался на палубу. По пути в кубрик снёс сапогом ведро уборщицы.

Сбитый на пол Кучум приподнял оборванные провода, спутанные с обломками пластмассы. Показал капитану.

– Ещё и рация, к беней фене!.. Бывают же твари. На зоне за такое опускают! – объяснил он Бероеву. – Сам всех подбил. Всё, мол, поровну поделим. А на деле? Деньги-то поделил. А самый ценняк – оказывается, зажухал! Я сам, может, второй год на калым собираю. Кидала!..

Он ощупал нос, глянул на себя в осколок зеркала. Глаза полыхнули яростью.

– Не спущу!

Выхватил у зазевавшегося Бероева карабин, выбежал на палубу. Вишняк встревоженно обернулся.

– Сдохни, паскуда! – выкрикнул Рафик. Раздался выстрел. Звенькнул колокол – пуля прошла у посеревшего Вишняка как раз над окровавленным ухом и угодила в корабельную рынду.

Кучум, разом успокоившийся, без сопротивления вернул оружие Бероеву. Показал Вишняку средний палец.

– Ты пачку поскорей докури, Толян, чтоб деньги не пропали! А то не успеешь! Жить тебе осталось с гулькину гульку!

Он расхохотался злодейски.

Гена как ухватился за штурвал, так и стоял недвижно, будто происшедшее его больше не касалось. Лишь по щеке пробегала нервная судорога.

Бероев отнёс карабин в каюту. Когда вернулся, палуба катера опустела. На барже, откинувшись на тюке, сидел Кучум. Фёдоровна, склонившись над ним, протирала одеколоном кровавые потёки. Тонкое, красивое лицо – предмет гордости – распухло. Кучум то и дело ощупывал нос, проверяя, цел ли.

– Сиди уж! – прикрикнула Фёдоровна. – Скажи спасибо, что промазал.

– Ещё чего – с трёх метров промазать! Захотел бы – положил! – процедил Кучум. Заново взъярился. – И положу! Накрою гада, чтоб без свидетелей! Да и закачу в лобешник!

Он в сердцах ухватил Вершинину за локоть.

– Слушай, тётка! Думаешь, мне меньше кого другого деньги нужны? Я сам на калым собираю. Невеста у меня в Алма-Ате, дочь секретаря райкома.

Подманил поближе Бероева.

– Представляешь – зятем секретаря? А жуз какой, знаешь? Это ж во! – Он раздвинул руки. – Но не отдаёт без большого калыма. А я уж с ней по-всякому сговорился. – Он изобразил похабный жест. – Если б забеременела, отдал бы от позора. Так нет же, не залетает! Другая – только дунь. А тут как нарочно! И что, мне деньги меньше егонного нужны? А он, вместо чтоб продать и разделить, вишь как – заныкал! И главное – когда успел? Я ж каюту, как только он пацана блевать повел, обыскал. Не было самородков! Деньги да цацка. Всё! Выходит, уж у борта карманы обшарил!

– Но если у борта, может, он сам пассажира вашего и спихнул? – осторожно подсказал Бероев.

– Конечно, спихнул! – равнодушно согласился Кучум. – Обшарил да выкинул за борт. Иначе к чему обшаривать? Да это мне как раз по фигу! Он замочил, с него и спрос! А вот делить надо по-честному! Не спущу!

Потихоньку страсти улеглись. Солнце, всё так же нещадно палящее, добрало-таки своё. После сварганенного Фёдоровной перекуса из консервов всех вновь сморило. Закрылся в своей каюте озлобленный Кучум, ушла спать повариха, затихли под бортом баржи охранники, да и Бероев, вдоволь наснимавшийся на солнцепёке, прилёг и незаметно задремал.

Почувствовал мягкий толчок – спарка причалила к берегу. В каюту зашёл капитан. Принялся раздеваться.

– Что-то случилось? – спросил Олег.

– Чай-Тумыс! – ответил тот. – Вишняка ссадили. У него здесь неподалёку семья живет. С год не виделся.

– Целый год? – Бероев поразился.

– Может, и больше. Якутку малолетнюю обрюхатил. Скандал вышел. Пришлось жениться. Нарожала ему. Дом – грязь, вонь. Вот и старается пореже бывать. Да и сейчас, думаю, попёрся рыжьё перепрятать. Похоже, не один самородок там был. Передрейфил Кучума. И правильно сдрейфил – тот за своё любого порвёт. Ничё! Часа через три вернётся – и дальше тронемся. А пока сами покемарим. Такое палево!

Гена душисто зевнул и захрапел.

Бероев, не терпящий чужого храпа, перебрался на корму. Спарка погрузилась в сон.

Через три часа Вишняк всё ещё не вернулся. Не вернулся и через четыре.

Время подпирало. Гена – единственный знавший, где его искать, решил идти навстречу. С собой для надёжности пригласил Бероева.

– Я тебя почему позвал! – объяснился он уже на берегу. – Боюсь, не загулял бы, паскуда! А одному такую оглоблю не приволочь. Тем более три километра в один конец!

Они вошли в тундру. Моревой что-то говорил. Но Бероев будто оглох. Даже принялся хлопывать себя в поисках кинокамеры, которую не прихватил.

Тундра расцвела. Буйно, яростно. Торопясь покрасоваться после многомесячной арктической зимы, угрюмой и беспощадной.

Они шли по густому мху и лишайнику, с удовольствием подпружинивая; раздвигали ярко-зелёные ветки кустарников и карликовых берёз. Берёзы, в обычное время сырые и колючие, раскочетничались – принарядились в серебристые серёжки. По бёдрам, требуя внимания, мягко постукивали низенькие мохнатые ивы. У этих серёжки ярко-жёлтые. Олег жадно вдыхал тёплый, вязкий воздух и то смотрел во все глаза, то, напротив, зажмурился, стараясь в птичьём щебете, гоготе, криках разобрать знакомые голоса.

Где-то через полкилометра берёзы раздвинулись – и перед глазами полыхнул широченный, на богатой зелёной основе цветочный ковёр. Будто, не жалея, разбрызгали в беспорядке красок. Колыхались лазоревые колокольчики синюхи, выглядывал из травы мохнатый, шерстяной астрагал, завитушками висел копеечник, или красный корень, по соседству с голубеющими незабудками. Белые и жёлтые ромашки перемешались с синими колокольчиками. И над всем этим гуд шмелей. Так что казалось, гудит, ликуя, сама оттаявшая почва.

Но самое яркое пятно, при виде которого Бероев задохнулся, бросилось в глаза на дальнем конце поляны. Там у кустарничков клинолистной ивы на спине, разбросав руки и ноги, лежал Вишняк. И на месте широкого его лица пунцовела запёкшаяся кровавая шапка.

– Достал-таки, гадёныш, – только и вымолвил Моревой. Он тяжело опустился на траву. Достал подрагивающими руками «Приму», закурил.

Убили Вишняка где-то два часа назад, из засады. Похоже, подстерегли по возвращении. Ружейная пуля, пущенная, судя по найденному пыжу, с пятидесяти метров, угодила точнёхонько в лоб. Ценностей при нём не оказалось.

– Или успел заныкать, или, стал быть, обыскали, – предположил Моревой. Но Бероев скептически помотал головой – человеческих следов возле трупа не было.

Убийца, видно, не сомневался, что ценности уже перепрятаны. Больше того, совершенно в себе уверенный, он даже не подошёл убедиться, что сразил наповал.

– Ну, Кучум! Ну, ловкач! Не зря хлестался, будто род его чуть ли не от Чингисхана, – удручённо констатировал Гена. – Оно и видно. Это какой же злобой надо изойти, чтоб пальнуть, словно по кабану, и – даже не обыскать!

Моревой хлопнул себя по коленям. Поднялся.

– Говорил им – закольцуется. Похоже, началось, – непонятно изрёк он.

* * *

После известия о гибели Вишняка на спарке все всполошились.

Хотя пуля осталась в голове убитого, оружие, из которого его застрелили, Бероев обнаружил сразу. Единственное – со свежими следами выстрела.

Это оказалась одностволка Микитки.

Моревой, на которого как на капитана ложились обязанности дознавателя, сурово оглядел охранников.

– Ну, который из вас застрелил? – рявкнул он. Перетрусившие Микитка и Кирилка принялись переглядываться, показывать глазами на каюту экспедитора. Но не произносили ни слова. За короткое время Кучум так застрашал своих подчинённых, что боялись они его, кажется, больше тюрьмы.

Тогда Моревой допросил каждого из эвенков поодиночке.

Оказалось, что после ссоры с Вишняком Кучумов отобрал у охранников одно ружьё и унёс в каюту. Да и сам Кучум не стал отпираться.

– Унёс! – Он сцыкнул. – Ещё б не унести, если не знаешь, чего от этого амбала ждать?

– Ты убил? – напрямую спросил Моревой.

– Может, и я, – насмешливо ответил Кучум. Спихватился. – А может, и не я. Ружьё у двери поставил. Прихватить, пока спал, любой мог. Мало ли у кого на этого гада душа горела! Да хотя б у тебя! Ты-то ему вовсе в очко в пух проигрался – самая стать рассчитаться. Больше моего грозил! Скажешь, нет?

Гена смутился. Кучум с откровенной ухмылкой оскалился.

Моревой безрезультатно облазил спарку, перерыл личные вещи, расспросил каждого, кто и где находился последние часы. А где могли находиться? Все, получается, спали – сморённые солнцем. Никто друг за другом не следил. Да и сам капитан-дознаватель оставался без надзора в кубрике.

– Делать-то чего станем? – обратился Моревой к своему помощнику по дознанию – Бероеву. – Милицию надо б – так связь разбита. Грузить на борт – завоняет. Ждать у моря погоды – в Оленёкский залив не попадём.

В конце концов порешили орудие убийства опечатать в каюте капитана, труп зарыть на песчаном берегу. А о ЧП заявить, когда появится связь.

– Надо будет – отроют. Тогда в морге и проявится, кто, что, почему, – рассудил Моревой.

– Может, жене сообщить? – напомнил Бероев.

– Милиция и сообщит. Не хватало к каждой чучмечке бегать. – Гена безразлично отмахнулся.

Приспособили фанерную табличку, написали химическим карандашом, воткнули в бугор на побережье и простились гудком. И как не было злого, неопрятного здоровяка.

Со смертью Вишняка на катере и барже установилась гнетущая атмосфера. Никто напрямую не произносил слово «убийца», но тень смерти повисла над спаркой, наполняя её страхом. На Кучумова косились опасно. Сам он то ходил гоголем, то, наткнувшись на чей-то взгляд исподтишка, презрительно показывал средний палец. То сникал и, задумчивый, расхаживал по барже.

Изредка он подменял за штурвалом Моревского. Помаленьку начали подпускать и Бероева, который, страдая от безделья, охотно принялся учиться основам кораблеводства.

Бероев как раз вёл катер, когда с баржи раздалась беспорядочная стрельба. Все повыскакивали на палубу. Кирилка, стоя на носу баржи, торопливо стрелял, оставшийся без ружья Микитка возбуждённо тыкал пальцем. Реку со стороны материка переплывал молодой северный олень. Заметили его поздно, когда бычок уже подплывал к берегу дельты.

И всё-таки расстояние было убойным. Но попасть в цель у Кирилки никак не получалось, то ли от возбуждения, то ли из-за некачественной одностволки.

Бероев, передав штурвал Моревому, кинулся в кубрик за карабином.

– Швартуйся! Скраду бычка! – закричал он Гене. Впрочем, спарка и без того принялась прижиматься к берегу. Капитан, как и все, соскучился по свежему мясу. Хороша была Вершинина – уборщица, – катер у неё заблестел. А вот как повариха разнообразием меню не боло-

вала. Изо дня в день выставляла на стол макароны с консервами. Разве только якуты выручали. Ловили с баржи сетями рыбу: тайменя, омуля, муксуна. Если везло с уловом, сами же готовили.

В несколько прыжков Бероев оказался на носу баржи. Увы, поздно!

Вылези олень метрах в тридцати подальше, подстрелить его было бы легко. Там над стремниной навис высокий лобастый утёс. Но он выбрался на узкий песчаник, позади которого темнела тундра. Отряхиваясь, углубился в кустарники.

Всё-таки упустить добычу было жалко. В азарте Олег спрыгнул в воду. Следом, отобрав ружьё у незадачливого стрелка, спрыгнул Кучум. Оба, один за другим, скрылись в тундре.

В этом месте было, по счастью, мелколосье. Так что силуэт оленя то и дело мелькал впереди. Но ветки хлестали преследователя. Приходилось левой рукой защищать глаза, одновременно пытаясь не выпустить бычка из виду. Олень, услышав погоню, прибавил ходу. Ломая мелкий сушняк, принялся подниматься вверх, как раз в сторону обрыва.

Стало ясно, что на обрыве он уйдёт в тундру прежде, чем вскарабкается следом стрелок. Бероев остановился, разочарованный. Раздался выстрел. Олень, подпрыгнув, перевернулся и рухнул.

Бероев оглянулся. Кучум только-только нагонял. Ремень ружья бесполезно мотался в его руке.

Оба оторопело переглянулись. Прибавили шагу. Сквозь заросли берёзок проломились на широкое травяное плато, с одной стороны обрывающееся в Лену, другим краем упёршееся в стену тундры.

На поляне располагалось стойбище. Меж двух чумов стояли нарты, возле которых крутились ездовые собаки. Стойбище демонтировалось. Один из чумов был уже наполовину разобран.

Олень как раз свалился у чума. Над тушей стоял низкорослый широколицый якут в лёгкой парке с пришитыми рукавицами. Возле унт застыла крупная лайка.

Якут скосился на треск сучьев. Бероев не поверил глазам. Перед ним был прославленный на всю Восточную Сибирь охотник на пушного зверя Валера Гоголев, с которым десяток лет назад бродяжья судьба свела его на Байкале. Знаменитый промысловик давал юному Олегу первые охотничьи уроки.

– Валера?! – Всё еще не до конца веря, Бероев распахнул объятия. Валера широко заулыбался. Они, несколько лет не видевшиеся, принялись тискать друг друга.

Олег неохотно представил охотнику своего попутчика.

– Но откуда вдруг в дельте, за три тысячи километров от дома?! – никак не мог взять в толк Бероев.

Оказалось, в недрах Иркутского и Якутского обкомов родился почин, о котором отпартовали в Москву, – обменяться на время лучшими промысловиками. Уезжать от родных мест Валере не хотелось. Но сельсовет пообещал через два года построить для разросшегося гоголевского семейства новый, деревянный дом – с паровым отоплением.

На север Гоголев отправился один, без семьи. Зиму провёл в зимовье, единственно – в обществе ездовых собак. И верного Пирата, жоака. И хоть пушной мир тундры по сравнению с тайгой не в пример беднее, в первый же год настрелял густо – два плана.

Осталось доставить и сдать добычу. Радостный, в предвкушении возвращения на родину, дожидался он вертолётчиков, дабы переправить пушнину в Тикси.

Увы! Валера, как истинный представитель народностей Севера, страдал алкоголизмом. То есть без алкоголя обходился легко. До тех пор, пока не увидит его перед собой. Ушлые вертолётчики прихватили ящик спирта – отметить окончание сезона. Очнувшись наутро, Валера не нашёл ни новых друзей, ни добытой за зиму пушнины.

– Ныне много больше набил! А то б не больше. Места-то узнал, повадки приглядел. Глянь сам. – Радужный Валера отвернул вход в чум. На полу из оленьей шкуры лежали рассортированные шкурки песца, соболя, белки, куницы, горностая. Над ухом Бероева засопел Кучум. Сузившиеся зрачки его жадно полыхали.

– Отметить бы встречу надо! – предложил он хозяину сдавленным голосом. – Не по-русски не отметить! Это ж кому сказать – за столько тысяч километров, среди тундры, друга встретить!.. А я б за-ради раздобыл чего-ничего!

Он с чувством щёлкнул себя по горлу.

Валера заёрзал.

– Однако, зарок дал. – Он беспомощно глянул на Бероева.

– Да чего, убудет тебя с бутылка?! Такого-то здоровяка, – напёр Кучум.

– Жене клялся, детям клялся, – начал отступать Валера.

– Чего жене? Где она, жена? А друг – вот он. Знаешь поговорку: «Не обидь друга откзом!»! – продолжал жать Кучум.

Круглое лицо Гоголева свело в беспомощную гримасу. Олег оттеснил недоброго искусителя плечом.

– Правильный зарок ты дал, – одобрил он охотника. – Пока не сдашь пушнину, ни грамма!.. А вот другое скажи: бычком не поделишься? У нас целый катер народу. Вроде кругом зверьё. А сами неделю живого мяса не видели.

Обрадованный Гоголев широким жестом вручил добычу Бероеву.

– Забирай всё. Все равно в Чай-Тумус снимаюсь, – объявил он. – Там главная база. Туда и вертолётчики прилетят.

Кучумов с сомнением оглядел нарты. Гоголев засмеялся – мелким, рассыпчатым смехом.

– Сало! – объяснил он. – Салом полозья мажу. По мху очень идёт!

Пока Бероев разделявал тушу, Гоголев водил нового знакомого по нехитрому своему хозяйству.

Кучум проявлял нешуточный интерес ко всем мелочам, бесконечно задавал уточняющие вопросы, всё больше о сдаточной цене пушнины, всплёскивал руками. Польщённый вниманием хозяин рассказывал обстоятельно, с простодушием соскучившегося без людей человека.

Интерес этот в лукавом казахе, далёком от охотничьих проблем, Бероеву всё больше не нравился. Он воткнул нож в освежёванного бычка, подозвал Кучума.

– Я своё сделал. Теперь неси на катер. А я догоню!

Кучум, хоть и недовольный, взвалил бычка на плечи.

Бероев заботливо отвёл хозяина в сторону.

– Валера! А если и впрямь опять со спиртом прилетят? – мягко, стараясь не обидеть, поинтересовался он.

– Не дамся! – Гоголев тряхнул бритой головой. – А если что...

Он завёл Бероева в чум. С примастыренной деревянной полки, дотянувшись, достал клеёнчатую ученическую тетрадь с привязанным карандашиком, полистал, показывая, что тетрадь на две трети исписана.

– Больше не дурак! – сообщил он с гордостью. – Дневник завёл. Всё пишу, что было, когда. Зверя скрал – записал. Зверя пересчитал – записал. Прилетят – первым делом запишу, кто, на чём. После, если что...

– Хотя бы так! – похвалил, хоть и с нелёгким сердцем, Бероев. Некрепкий духом якут мастерил себе дополнительные, непрочные подпорки.

Польщённый Валера расцвёл в щербатой улыбке.

На прощание обнялись – до встречи на Байкале.

Кучум с бычком на плечах поджидал Бероева в кустарнике возле берега.

– Целое состояние! – произнёс он – будто в никуда.

– Не твоё состояние! – напомнил Бероев.

Но сбить погрузившегося в мечтания корыстолюбца оказалось непросто.

– Твоё – не твоё! – не отступился он. – Пол песцами усеян. А тюк в углу заприметил? Я ковырнул – горностаи! Сам же говорит – больше двух планов. Поделить если. Один ему – на дом. Другой нам с тобой. Мне на калым, да и тебе во!.. Завтра же сорвались – и с концами!

– Отдохни от этой мысли! – грубо оборвал Олег. Вышел на песок.

– Опять дурак попался! – прошипели ему в спину.

На спарке добычливых охотников встретили радостными взмахами. Даже угрюмая вечно Фёдоровна отбивала марш кастрюльными крышками. Не видно было лишь капитана.

– А вот я вам за это суп букулёр приготовлю, пальчики оближете, – пообещала Надежда. – Подождать разве придётся.

Услышав про любимое блюдо сибирских охотников, Микитка с Кирилкой сглотнули слюну.

– Готовь сколько угодно! Времени достанет. – Из машинного отделения выбрался капитан Гена – чумазый и мрачный. Обтёр ветошью промасленные пальцы. – Похоже, паскуда эта вовсе за движком не глядел. Патрубок прогорел.

Гена цветасто, от души полоснул в адрес покойника матом.

– Слышь, Кучум! – обратился он к казаху. – Километров пять как Тит-Ары прошли. Там где-то в заводи рыбзавод. Один-два катера обязательно торчат. Сгоняй на «Казанке» – выклянчи патрубок. А то не дойдём.

– Да чем я выклянчу? – отругнулся казах. Мысли его были заняты другим. – Этого-то нет!

Он без затей хлопнул уборщицу по промежности. Фёдоровна, вспыхнув, потянулась за шваброй.

– Ладно, не закипай, – пренебрежительно отмахнулся Кучум. – На тебя-то кто польстится? Один только и нашёлся чахнутый!

И тут что-то в голове у него срослось. Он разом взбодрился. Взгляд сделался нацеленным.

– Если разве спиртяги предложить? И оленьей печёнки для аргумента, – прикинул он. – Так опечатано.

– Делов-то! Распечатай! – обрадовался Гена. – А после акт на бой посуды подпишем или – ещё лучше – посовету проставишься лишней бутылкой, любую сдачу-приёмку подмахнут. Не убудет с них! Так что, спускаю моторку?

Кучум вернулся затемно, когда все, объевшиеся, уж спали. С патрубком хоть и не новым, но хотя бы целым.

Вскоре спарка пустилась в дальнейший путь.

Наутро сильным толчком Бероева сбросило с койки. Баржа вновь сидела на мели. Как ни плох был лоцман Толян, Гена оказался штурманягой ещё того хлеще. В месте очередного раздвоения протоки выбрал единственную неходовую, левую – Апгардам-Уэсе, забитую песчаными косами, едва проглядывавшими из воды. На одном из островков, не пройдя и пары километров, застряли. Застряли крепко. Повозиться пришлось всем. Подмывали баржу струёй из-под винта катера, брали на буксир, раскачивали рывками. Заново подмывали. Вновь раскачивали. Когда наконец снялись с мели, стало ясно, что пробиться меж островков в Оленёкский залив совершенно невозможно.

Пришлось, спарковавшись заново с баржей, возвращаться туда, откуда отъехали затемно, – к месту раздвоения проток.

Лишь Кучум, не желая смириться с очередной потерей времени, бесновался, требуя двигаться дальше. Не стесняясь, крыл незадачливого лоцмана расписным узором из русского мата с казахскими вкраплениями.

Гена, сцепив зубы, отмалчивался.

На месте раздвоения протоков Бероев, позаимствовав у капитана бинокль, принялся вглядываться в верхушку утёса, где накануне оставил Гоголева. Но снизу, с реки, ничего разглядеть не получалось.

– В Чай-Тумус давно ушёл! – беззаботно предположил Кучум. Беззаботность эта Олега нехорошо кольнула.

– Причаливай! – потребовал он у капитана. – Надо досъёмку провести.

Краем глаза подметил, как посерел Кучум.

– Хватит время терять! – взвился тот. – В Ыстаннах-Хочо, должно, все глаза проглядели, нас дожидаячи. А мы тут прихоти всяких московских операторов исполнять станем.

– На мелях больше потеряли! – отрубил Бероев. Положил руку на штурвал.

Капитан, скосившись, начал прижиматься.

На берег Олег соскочил, едва причалили. Не в силах обуздать волнение, побежал.

Поляна выглядела почти так же, как накануне. Единственное, второй чум, разобранный, лежал возле нарт. А вот первый оставался целёхоньким. Бегали непривязанные ездовые лайки. Даже охотничий карабин ждал, приготовленный. А вот самого охотника нигде не было.

Предчувствуя беду, Бероев подошёл к чуму.

– Валера! – для очистки совести позвал он. Распахнул. Чум был пуст. Не было хозяина. Не было пушнины.

Бероев шагнул к полке, что показал вчера Гоголев, выудил общую тетрадь, поспешно открыл. Разобрал последнюю накорябанную наспех запись: «Скрал бычка. Встретил Аликинооператора с другом Рафиком. Отдал ему бычка. Пришёл Рафик с печёнкой и спиртом».

Картина в голове Бероева выстроилась. Кучум доскочил на моторке за патрубком. А после, укрыв лодку так, чтоб была не видна со спарки, пришел со спиртом к Гоголеву. Уговорить якута выпить труда не составило. Напоил и убил, а шкурки припрятал на барже, скорей всего, среди опечатанного товара. Он же не рассчитывал, что катер придётся разворачивать назад, к месту убийства.

Надо было начинать поиск. На поляне послышались шаги. Бероев выбежал, обнадёженный. Увы! Это не был Гоголев. На утёс вскарабкался Кучум.

– И чего стряслось? Где наш друг? – поинтересовался он.

Вальяжно поинтересовался, с оттенком лёгкой обеспокоенности. Но лицо непроизвольно подрагивало.

Бероев шагнул навстречу убийце.

– Чего с тобой? Или пропал куда?! Да ты на меня, что ль, косишь? – выкрикнул Кучум.

Не замахаясь, Олег ударил. Кучум упал. Но тут же ловко вскочил, ощерился, пугая.

– Ты на кого тупаешь?! – заорал он приблатнённо. – Да я таких по двое!..

Драться он, похоже, умел. Но в этот раз Кучуму не повезло. Попал на профессионального боксёра. И боксёра бьющего. То есть с тяжёлым ударом.

После следующего попадания Кучум отлетел к нартам. Поднимаясь, потянулся к сапогу, вытащил нож.

Демонстрировать навыки рукопашного боя Бероев не стал. Схватил с нарт обух и принялся хлестать, не давая подступиться: по рукам, плечам. Когда нож выпал из перебитой руки, отбросил обух и продолжил избиение.

Таким остервеневшим Олег себя не помнил. Бил, подымал за шиворот, вновь бил. Не объясняясь, не спрашивая. Вскоре Кучум превратился в окровавленную куклу – такую же безвольно-тряпочную. На ногах он уже не держался. Как только Бероев отпустил, валился наземь.

Пелена схлынула. Бероев подхватил отброшенный обух.

– Где?!

Кучум слизнул с разбитых губ кровавую пену, выплюнул выбитый зуб.

– На барже заныкал, – прохрипел он. – Да, думал зажухать! Так я ж предлагал тебе на пару. Сам отказался.

Он уселся, постучал себя по ушам.

– Теперь разделим, конечно, – уверил он.

– Где?! – громовым голосом повторил Олег.

Кучум встрепенулся. Этого вопроса он боялся куда больше.

– Не знаю! И знать не хочу! Наверняка напился да и загремел с обрыва!

Он скосился на гуляющий в чужих руках обух. Повторил упрямо:

– Не видел. Говорю же, напился он. Бегал туда-сюда. Хихикал. Падал. После оглянулся, а его нет. Получается, с обрыва навернулся. Утонул, конечно. Стремнина-то какая. А шкурки забрал, чтоб после сдать за него государству. А то мало ли лихих людей.

Он скривился дерзко:

– На том стоять буду. Хоть забей! Хоть следствие открывай. Забьёшь, кстати, – самого посадят.

Он повёл глазами на реку. Там, под обрывом, покачивалась на якоре спарка. Вся команда сбилась на борту баржи, глаза на избиение.

До Бероева дошла наконец природа Кучумовой самоуверенности. В самом деле, зачем ему было убивать ножом? Достаточно столкнуть упившегося якута с обрыва в студёную стремнину. И – концы в воду.

Олег невольно скривился – уж больно фразеологизм пришёлся к месту.

Усмешка эта обнадёжила Кучума.

– Ты послушай, послушай! – горячо заговорил он. – Что нам зверь этот? Кому он нужен? Утоп и утоп! Их таких, таёжных, вона сколько на Лене! Два года в тундре просидел. Может, и ещё пять никто не схватится. Всё равно уж не переменишь. Да и случись спрос – не с тебя же. Ты-то чистяком! Зато шкурки наши! Прикинь, один соболь во что потянет. А горностаи! А тут их – неслитано.

Удар ногой заново опрокинул убийцу на спину.

– Не переменишь, говоришь? – не поверил Бероев. Отрезал с нарт кусок каната. Подёргал, проверяя на прочность. – Считаю, что уже в тюрьме сидишь. Отбывать срок начнёшь в трюме. А там... Докажут – не докажут убийство, а десятку за кражу в особо крупных размерах точно схлопочешь. Калым из тюрьмы будешь выплачивать. То-то будущий тестюха – секретарь райкома – обрадуется! Да и за Вишняка ещё попробуй отмойся. Во вкус вошёл – убийствами богатеть!

Стянул локти. Приготовился вязать.

– Да ты! Безмозглый! – Кучум затрепыхался беспомощно. От унижения и безысходности то ли зарыдал, то ли завыл.

Дружно залились лаем собаки. Захрустел мох. Из тундры на поляну вышел леший. Обсыпанный жухлыми листьями. Насквозь промокший, взопревший. Трясущийся в ознобе. Щербатый, покоцанный. Луноликий Валера Гоголев. С Пиратом возле босой ноги.

Бероев и Кучум как были только что не в обнимку, так и застыли, остолбенелые.

– Вот ведь как, однако. Выпил всё-таки. Не удержался, – виновато признался Гоголев Олегу. – И, должно, как-то в реку оступился. – Теперь он принялся оправдываться перед Кучумом. – Не помню совсем. Далёко, однако, нас отнесло.

Он огладил лайку, которой, похоже, обязан был жизнью.

Заглянул в чум. Вышел обескураженный.

– Вот ведь как! Два года, однако! Ой, дура, дура!

Обхватил бритую голову руками.

– Шкурки целы! – выкрикнул Кучум. – Целы! – сбивчиво, косясь на Бероева, затараторил он. – Я к ночи вернулся. Тебя нет. Вот и припрятал. Чтоб не украл кто! Мало ли, думаю! Припрячу-ка пока в надёжном месте. В минуту принесу!

Он просительно глянул на Бероева.

– Принесу ведь?!

Олег незаметно освободил его локти от пут.

Часа с полтора после этого Бероев под камеру брал интервью у знаменитого охотника, фотографировал добытые шкурки. Под конец вместе с Кучумом и капитаном Генной опечатали пушнину. Приклеили бирки с указанием количества шкурок и пометкой: опечатано комиссией в составе...

– Вертолётчиков, как прилетят, первым делом носом в бирки ткнёшь, – наставлял Бероев охотника. Тот понуро кивал.

День незаметно иссяк. Настала пора расставаться. Особенно тепло простодушный якут попрощался с Кучумовым.

– На Байкал приезжай. Лучшего зверя добуду, – настаивал он. – Адрес запиши.

– Не нужен ему адрес. Со мной, если что, придет. – Бероев свернул трогательное прощание.

Когда спарка снялась с якоря, Валера Гоголев махал им с обрыва. Возле ног крутился верный Пират.

Капитан Гена дал прощальный гудок и прибавил ходу. Надо было нагонять отставание – баржу и впрямь заждались в поселке.

Кучум больше не угрожал, не позыркивал гневно. Даже на катер почти не заглядывал. Или массировал в каюте превратившееся в месиво лицо, или прохаживался по барже, гоняя, как кегли, обоих охранников. Но именно по тому, как отводил Кучум при встрече глаза, Бероев понял, что нажил смертельного врага.

Фёдоровна, шаркавшая шваброй по палубе, подседа поближе.

– Не знаю, за что ты его там, на берегу, отмудохал. Только поостерегись. Кажись, дикарёк наш не в шутку на новый заход пошёл. Жжёт тебе спину глазюками. Вот уж кто самый зверюга из зверюг.

Ближе к заливу по берегам потянулись прибрежные пески. По фарватеру опять проступили песчаные островки. Капитан Гена, боясь вновь угодить на мель, не шёл – крался по расставленным заблаговременно вешкам. Взмокший от напряжения, он почти не выбирался из рулевой рубки, лишь изредка, на самой безобидной глади, передоверяя штурвал другим.

Еду Фёдоровна таскала ему прямо в рубку.

В какой-то момент по катеру покатались колокольные удары.

Капитан Гена, к общему изумлению, отплясывал на палубе.

– Я это сделал! – в восторге, вздымая руки, грохотал он.

Спарка, обогнув последний из островов дельты – остров Петрушки, – втягивалась в долгожданный Оленёкский залив моря Лаптевых.

– Я прошёл дельту! Сам, без урода! – вопил Гена. Оказывается, он всё ещё мерился мастерством с покойным штурманом.

Ближе к вечеру показался поселковый берег, заваленный намытыми рекой ветками и обломками древесных стволов. Среди них громоздились старые бочки. Ещё через полкило-

метра показались крыши дощатых бараков и верхушки нескольких чумов. Зазвенел призывно корабельный колокол.

Кучум собрал своё невеликое воинство на инструктаж.

– Первым делом сгружаем метиз, далее – кирпич и прочую строительную лабуду для школы. Но сгружаем и передаём на берег сами. Зверьё на борт не пускать! Поняли?

К удивлению Бероева, оба якута – такое же, в понимании Кучума, зверьё – готовно закивали.

– Далее! Продукты и особливо!.. – Кучум потряс изящным пальцем. – Спирт! Это в самом конце, когда скажу! Только когда прикажу!

Спарка уже швартовалась к пирсу самого северного в Якутии посёлка Ыстаннах-Хочо. Бероев принялся приспособливать треногу кинокамеры.

На берегу, у пирса, на вытоптанной площадке, царило радостное оживление. Кажется, всё население посёлка сбежалось встречать долгожданную баржу. Олег с восторгом снимал открывшееся пёстрое зрелище. Мужчины в не сходящихся на груди замшевых кафтанах и нагрудниках, женщины с вплетёнными лентами или в капорах с лисьими шкурками, с отороченными мехом подолами. На девушках – головные повязки на волосах, дети с бисером и бляшками на кафтанчиках, с полосками кожи на рукавах, – в отделках жёлтого, красного, синего, белого цветов. Кто в парках, кто в мукумэ. Все круглолицые, скуластые, толстогубые, курносые.

По берегу разлилось разноцветное праздничное пятно.

На пригорке на жердях воткнули в землю выцветшее полотнище: «Заложим школу! Наши дети будут жить при коммунизме!»

Встречали прибывших с национальным оркестром. Собственно, инструментов было всего два: эвенкийский варган из дерева и музыкальный лук. Музыкант просто щипал тугую тетиву.

По мнению Бероева, звуки извлекались нестройные и не слишком музыкальные. Но сами эвенки ими упивались. Под выкрики «Хадэ», «Хэда» несколько женщин в ноговицах и унтах принялись пританцовывать. Им вторили дети.

На баржу, лучась приветливостью, поднялся председатель поссовета – худощавый эвенк, единственный в пиджаке и стираной рубаше, поверх которой развевался широченный, аляповатый галстук.

Поднял руку. Национальный оркестр смолк. А из-за спин зазвучала мелодия – «Страна моя, Москва моя, ты самая любимая». Играл баян, которому вторила труба. Вторила неловко, хрипя и обрываясь, но старательно.

По знаку председателя люди расступились, и Бероеву стали видны одноногий баянист, посаженный на стул, а подле мальчишка-трубач в развевающемся застиранном пионерском галстуке.

Олег, умилённый, представлял фурор, что произведёт отснятый материал в Москве.

– Это для тебя звери? – упрекнула Кучума Фёдоровна. – На себя б поглядел.

Кучум лишь ухмыльнулся. Спорить с посудомойкой было ниже его достоинства.

Бероев, хоть и был на стороне Вершининой, в перепалку не вступал. Для него началась съёмочная страда: сегодня встреча баржи со стройматериалом, завтра – торжественная закладка школы. Самой северной школы Советского Союза!

Встреча выдалась замечательная. Для жителей посёлка, год ждавших баржу, прибытие её было сродни первомайской демонстрации.

Едва спарка зачалась, эвенки без подсказок и понуканий выстроились в живую очередь. Председатель поссовета вместе с экспедитором Кучумовым спустились в трюм. Минут через пятнадцать председатель выбрался наружу, гружённый тяжелым рюкзаком. Следом вышел Кучум.

– Приступили к разгрузке! – объявил он во всеуслышание.

Прибывшие промтовары, стройматериалы сплошной рекой потекли из трюмов на берег, где и раскладывались согласно предназначению.

– Ловко работают, – не отрываясь от камеры, оценил Олег.

– Умиляешься? – Кучум гоготнул. – А вот теперь снимай по-правдашнему!.. Давай! – крикнул он охранникам.

Из трюма полезли наружу коробки с продуктами и, наконец, – ящики со спиртом.

В ту же минуту цепь распалась. Люди, за секунду до того приветливые и улыбчивые, ринулись к трапу, сбивая и отталкивая друг друга.

Те, что поудачливей, хватали в охапку ящики со спиртом и волокли по домам. Неудачники старались отобрать. Пихания и выкрики перешли в ссоры и драки. Юный трубач ловко прихватил ящик и, спрыгнув прямо в воду, незамеченный, потащил его мимо беснующейся толпы. Но тут его подстерёг баянист-инвалид. Сбил с ног костылём, потянул добычу к себе. Отважный пионер прыгнул ему на спину. Началась схватка опыта и молодости.

– Вот тебе и страна моя любимая! – не удержался от злорадства Кучум. – Как это? Цивилизация приходит в тундру? Чего ж бросил снимать, опер? Иль правда жизни тебе не годится?

Посеревший Бероев и впрямь прервал съёмку. Кучум потряс накладными, привлекая внимание капитана.

– Я своё закончил! – закричал он. – Поссовет позвонит рыбакам. Они баржу отгонят. Можно отцепляться.

Капитан Гена согласно кивнул. Расцепившись с баржой, на которой остались Микитка и Кирилка, катер отошёл в глубину залива. Проститься с охранниками ни капитану, ни Кучуму даже в голову не пришло. Только Фёдоровна да Бероев махали рукой от борта.

– По мне, так прямо сейчас отчалить – и назад на Тикси. – Капитан озабоченно разглядывал берег в бинокль. Скопился вопросительно на Бероева.

– А завтрашняя закладка школы? На кой я сюда через пол-Союза добирался? – отказался Олег. – Да и сегодня ещё надо бы с поселковым руководством пообщаться. Согласовать программу, наметить ракурсы.

Кучум загоготал.

– Будет тебе, опер, закладка. И ракурсы будут. Такие, что мало не покажется.

Он веселился от души. Как будто, издеваясь над Бероевым, отыгрывался за давешнее избиение.

После ужина, в ранних сумерках, Бероев настоял, чтобы ему предоставили «Казанку» вернуться к пристани. Следовало в самом деле пройтись по посёлку, приглядеться, выбрать сильные точки для завтрашней съёмки, чтоб не заваливался горизонт.

А потом он причалил «Казанку», ступил на землю, и «горизонт завалился» – обрушился и раскололся. То, что увидел Бероев, потрясло его на всю оставшуюся жизнь. От берега до барачков прямо на земле, в лужах, среди веток, деревьев, ржавых бочек вповалку валялось упившееся население посёлка Ыстаннах-Хочо. Мужчины, женщины, подростки. Даже малыши трех-четырёх лет. Молодая мать лежала ничком в луже. Положив голову на обломок дерева, она нежно прижимала к себе пакет с новорожденным. Бероев отобрал пакет, перевернул. Увидел мёртвое личико захлебнувшегося младенца. Кругом стояли храп и чавканье. Можно было идти прямо по телам, и никто б не проснулся.

За какие-то пару часов посёлок упился вусмерть.

Бероев, обходя тела, добрался до поссовета. Заглянул. Председатель лежал грудью на столе, покрытом красным кумачом.

Дверь стукнула. Вошел высокий русоволосый мужчина в очках, в резиновом плаще и сапогах выше колен, лет на десять старше Бероева. Приподнял голову председателя. Заглянул в глаза. Отпустил. Голова с лёгким стуком вернулась на место.

– Опять, стал быть, надул! – процедил он. Протянул руку Бероеву.

– Серёга! Директор рыбсовхоза.

– Бероев. Кинооператор, – представился Олег.

Услышав, для чего он приехал, Серёга скривился.

Они вышли на улицу. Бероев отвёл глаза от людских штабелей.

– В первый раз такое видишь? – догадался Серёга.

– Будто чума прошла.

– Чума и есть. Мы с тобой для них чума. Любой белый для них чума. А мы, русские, – самая страшная. Потому что чванливы не в меру и всё за всех знаем. Свою жизнь устроить не умеем. Зато за других всё наперёд. Только дай – тут же кому хошь всеобщее счастье организуем. Но те, другие, хоть цену нам знают, стараются не подпускать. А эти – дети! Что молодые, что старые. Тыщу лет без нас жили, и ещё столько бы прожили. И тут здрасьте, припёрлись. Мы вам свой, новый мир построим! Построили! И называется мир этот – нищета.

Бероев с беспокойством разглядывал человека, изрекающего крамолу перед чужаком. Серёга заметил.

– А чего мне? Крайней Крайнего Севера края не сыщешь!..

Горько усмехнулся собственному каламбуру.

– Надо же, додумались, – школа! – хмыкнул он.

– Против школы-то ты что имеешь? – буркнул раздражённо Бероев.

– Да то, что рапортовальщиков вокруг развелось! Аж из Москвы понагнали. Удивительно, что до университета не додумались. Считай, весь посёлок у меня в рыболовстве. И все как один в долгах. Жратву под расписки выдаём, чтоб с голоду не перемерли. И живут одной мечтой несбыточной – разом богатый улов снять и из долгов выбраться. Да, ещё мечту имеют! – припомнил он с недобрый смешком. – Водяру ждут не дождутся, что для них хуже яда. Знаешь, её здесь сколько? По два литра спирта на душу населения, считая детскую. Да вся годовая норма тут! – недобро пошутил он.

Они пошли назад к причалу, где болтался на волнах совхозный катерок, подцепивший на буксир покинутую баржу. Серёга широким журавлиным шагом переступал через тела, Бероев держался стороной, перепрыгивая по стволам деревьев.

У причала Серёга достал из кармана плаща початую бутылку водки, вопросительно встряхнул.

– В прошлом году перехватил баржу, – сообщил он. – С дракой, но отобрал водку на склады. Выдавал штучно, под праздники. Веришь, долги уменьшаться начали! Звоню в район, настаиваю: уберите водку или уж чтоб под мой контроль! Какое там? Твоё дело, отвечают, план по рыбе. А за магазинный план другие ответят. Видал, даже с днем прибытия специально обманули. Боялись, что опять отберу.

Он разболтал, отпил прямо из горлышка.

– А школа! Вон весь посёлок перед тобой. Посчитай по детским головам. Думаешь, в кабинетах считать не умеют? Не хуже нашего. Зато почин!

Протянул Бероеву. И трезвенник Олег в несколько глотков допил остальное.

– Налюбовался? – Серёга отобрал бутылку. Запустил в борт баржи. – Считай, салют в вашу честь. Вашу мать!

Они скупо распрощались.

На борту «Ястребка» Бероева встречали.

Принявший конец Гена глянул на оглушённого оператора, понимающе смолчал. Зато не смолчал Кучум.

– Опять упились, конечно!

Олег тяжело кивнул.

– Значит, к ночи полезут.

– Кто? – не поняла Фёдоровна. Она крутилась тут же.

– Говорю ж вам, дуракам, – зверьё ползет! – Кучум рассердился. – По ночи проснутся и ползут. Они же думают, что у нас спирт остался. За ним и придут. Хорошо, если без ружей. Отбиваться придётся!

– Надо бы уходить! – согласился Гена. – Да и какой завтра праздник – с повальной похмелюги!

Оба выжидающе глянули на Бероева. По молчанию Вершининой было видно, что и она приняла их сторону.

Олегу и самому хотелось поскорей сняться с якоря и забыть о пережитом. Но как станешь объясняться в Москве?

– Всё-таки попробую, – выдохнул он.

– Так на себя и пеняйте, гуманисты-романисты! – Кучум вытащил с пожарного щита багор, примерил по руке. – Жалко, что убивать это зверьё нельзя. Браконьерство, вишь ли, припишут! – Он хохотнул зло.

– Весёленькая предстоит ночка. – Гена снял топорик, подобросил, будто томагавк. Поколебавшись, заменил на ломик. – Что скажешь, Фёдоровна?

– Что будет, то будет. – Вершинина потянула весло из «Казанки».

Бероев двинулся в кубрик.

– Утром, с ранья разбудите, – попросил он.

– Не веришь?

Олег только поморщился. Ни в какое нашествие он не поверил. Кому там приходиться? Он вспомнил лежащие вповалку тела, головку захлебнувшегося в луже младенца и, схватив подушку, нахлобучил сверху на голову. На его долю ужастиков хватило на берегу!

«Абордаж» начался затемно. До рассвета. Вражья стая подкралась бесшумно, на вёсельных лодках. И – сразу с нескольких сторон полезла на борт.

Первым опасность заметил Кучум.

– Полундра! К бою! – отчаянно завопил он.

Капитан, дремавший в рулевой рубке, врубил прожектор, полоснул светом по палубе.

Фигурки, что лезли на борт, заметались, будто бабочки при вспыхнувшей лампочке. Началась битва. Капитан Гена защищал рулевую рубку. На борту расположилась Фёдоровна. Сосредоточенно и равномерно она отпихивала абордажников веслом, будто суп поварёшкой помешивала.

Особо горячо было у кормы. Кучум колошматил багром направо-налево, дико и страшно крича. Бил не жалеючи, наотмашь.

Бероев с карабином защищал корабельное сердце – машинный отсек.

Камнем разнесли прожектор.

На палубе стало темно и страшно. Замелькали тени.

– Генка! Заводи движок! Топи их, гадов! – истошно, голосом, полным восторга, закричал Кучум. Крик оборвался.

Двигатель заработал, заревел угрожающе, катер подался вперёд. Внизу послышался хруст, – раздавило одну из лодок.

Дело принимало нешуточный оборот. Бероеву даже пришлось, отбиваясь, дважды выстрелить вверх голов.

Выстрелы ли испугали или раздавленная лодка, но нападавшие отступили. Из воды стали слышны выкрики, скрип уключин, удаляющийся плеск вёсел – пираты северных широт убирались восвояси.

Правда, реальной угрозы Бероев не ощутил. Происходившее напоминало ему съёмку рапидом.

Грабители действовали безмолвно и замедленно. То ли всё ещё сполупьяну, то ли и мысли не имели причинить вред людям. А лишь упрямо и тупо пробивались к спиртному.

Бероев, отирая пот, подошёл к капитану. Гена с фонарём в руке вглядывался в воду.

– Никого не утопил? – спросил Олег.

– Вроде нет. – Гена разогнулся. – Вот тебе и поснимал праздничек, – нашел он силы связвить.

Подошла Фёдоровна – с измочаленным веслом. Вопреки обычной угрюмости, единственный целый глаз её блеснул азартом.

– Отбились вроде! – похвалил Гена экипаж. Заозирался. – А где наш Чингисхан?

Он провел фонарём по палубе. Тело Рафика Кучумова лежало навзничь у кормы, на бухте каната. С разможжённым затылком. Рядом валялся окровавленный багор.

Наутро из поссовета дозвонились до милиции.

На вертолёте прилетел милицейский наряд. Двое суток велось следствие. Допрашивали, вымеряли. Снимали отпечатки пальцев. Проводили очные ставки. Всё честь по чести. Виновных, конечно, не установили. Да и как установишь, когда нападавших было с полтора десятка. И ни один толком не помнил, где именно находился и что делал. Да что там – что делал? Не все вообще помнили, что штурмовали катер.

Отдельно сняли показания об обстоятельствах гибели Вишняка. Прихватив Микитку и Кирилку, слетали на место захоронения, откопали тело, назначили экспертизы.

Всё сходилось на том, что Вишняка застрелил Кучумов. А значит, со смертью самого Кучумова закрывалось и убийство Вишняка.

О торжественной закладке школы разговора уже не было. Бероев на берег больше не сходил. Отсидивался в кубрике. Опустошённый, уничтоженный. То, что начиналось как умильная мелодрама, продолжилось блокбастером, переросшим в детектив, а закончилось ужасом, которых студент ВГИКа Бероев терпеть не мог.

Причём, в отличие от милиции, для него ужасик начался не в момент убийства Кучумова. А раньше, когда бродил среди лежащих вповалку тел.

После отлёта милицейской группы двинулся в обратный путь и «Ястребок» – через дельту Лены к Быковскому мысу. С налаженной связью – в рыбсовхозе выключили радио.

Бероев в последний раз осмотрел берег. По посёлку тенями бродили вялые фигуры. Нагибались, падали, поднимались. Шли дальше, возвращались. За чем нагибались? Что искали?

Рядом напряжённо вглядывалась в удаляющийся берег Вершинина.

– Похоже, на открытие школы я уж не прилечу, – через силу пошутил Бероев.

– Не будет никакой школы, – рубанула Фёдоровна. – Иль сам не видишь? Повымирают прежде.

Олег собрался заспорить. Приложил к глазам бинокль.

– Пожалуй, – тяжело согласился он.

Катерок, избавившийся от гружёной баржи, назад шёл ходко. К тому же возвращались по изученному фарватеру.

Так что Гена обходил возможные мели даже с некоторой лихостью.

На самом катерке стало тоскливо. Трое оставшихся существовали каждый сам по себе, общаясь друг с другом лишь в силу необходимости.

Бероев большей частью был занят работой над отснятым материалом и торопился добавить новые съёмки. Да изредка в безопасных местах подменял Моревского на руле. Любопытный Олег рад был бы всерьёз продолжить обучение, но капитан Гена отвечал на вопросы

неохотно – рублеными фразами. Прежде шумливый, взвинченный, он сделался подавлен и нелюдим. Даже в те редкие часы, когда передавал штурвал или вставал на якорь, чтоб поспать, вскоре выходил на палубу, наваливался на борт и долго, неотрывно глядел на воду.

– Говорят, плохая примета – часами на воду глядеть. К покойнику! – незамысловато пошутил как-то Бероев.

И сам вздрогнул от дрожи, что передёрнула Моревского.

Перед Гусиной протокой вновь увидели оленя, переплывавшего с материка в дельту. Предвкушение свежего мяса наполнило рты слюнями. Только вот маневрировать на катере, рискуя опять сесть на мель, было рискованно.

Бероеву, страстному охотнику, хотелось подстрелить бычка. Но он как раз разложился на палубе с киноаппаратурой. Надо было почистить камеру, объективы.

Побросать всё это или наскоро сложить в кучу, без риска нарушить тонкие настройки, а то и занести какую-нибудь соринку, было невозможно. Олег огорчённо развёл руки.

– Тогда я сам его скраду! – Моревый, истомившийся без дела, метнулся в кубрик, выскочил с карабином и бросился спускать «Казанку». В азарте не подумал, что в одиночку бычка можно убить, но «подвести» тушу к катеру без помощника крайне трудно.

Фёдоровна оказалась посметливей. Схватила багор с пожарного щита и прыгнула следом в лодку. Мотор взревел. «Казанка» полетела наперерез зверю. Но вместо того чтоб потихоньку снижать скорость, Гена, то ли в чрезмерном азарте, то ли по неумению, продолжал давить на газ, будто задался целью не застрелить оленя, а переехать.

Бероев, почуяв недоброе, прилип к биноклю.

Лодка и впрямь на полном ходу подлетела к быку и заложила вираж. Настолько крутой, что ручка газа выскочила из руки Моревского. От рывка оба добытчика попадали на дно, карабин отлетел в сторону. Лодку закрутило, развернув боком к подплывающему быку. Ошалевший от грома и копоты олень не шарахнулся в сторону. Наоборот, надбавил ходу и «пошёл на таран». Ещё десяток метров – он врежется в борт и распорет тонкий корпус «Казанки», словно консервную банку. Оба добытчика окажутся в стылой воде посреди широченной протоки. Шансов добраться до лодки прежде, чем она пойдёт ко дну, у Бероева не было никаких. Жить или не жить, решали секунды. И секунд этих у пассажиров «Казанки», кажется, не было.

– Глуши-и! – разнёсся по водной глади голос Вершининой. Громкий и неожиданно зычный.

Командный окрик смирной посудомойки вывел Моревского из ступора. Двигатель заглох. В следующее мгновение Вершинина, рискуя свалиться за борт, вскочила с карабином в руке. Передёрнула затвор и тут же выстрелила. Олень задёргался и затих. Следующая пуля попала уже в недвижимое тело. До столкновения оставалось каких-то два-три метра. Бероев, сам отличный стрелок, озадаченно отёр пот – в экстремальной ситуации, на волосок от гибели, посудомойка положила зверя с первого же выстрела.

Когда поднимали бычка на катер, Фёдоровна перехватила изумлённый взгляд Бероева.

– Случайно вышло, – обронила она с неловкой улыбкой. – Мужик у меня был охотник. Изредка брал с собой. Показал как-то, куда жать.

Больше разговора об этом не было. Но при осмотре туши Олег обнаружил, что смертельная пуля угодила точнёхонько в мозговую область. Вторая, контрольная, вошла едва ли не след в след.

На подходе к посёлку Быковскому Бероев зашёл в рубку подменить на короткое время капитана.

Моревой, глубоко задумавшись, лежал на штурвале.

– Свободны, капитан. Рулевой Бероев вахту принял! – шутливо отрапортовал Олег. Осторожно потрепал за рукав.

– Самородок этот – малого одного, – глухо произнёс вдруг Моревой. Бероев, не раз пытавшийся вызвать Гену на откровенность, обмер, боясь, как бы желание выговориться не исчезло, как и прежде.

– С прииска возвращался. – Моревой закурил. – На Быковом мысу упросил, чтоб до Тикси добросить. Выпили, конечно!

– Как обычно, – подсказал Бероев.

Гена перебросил папиросину в угол рта.

– Не! Это я с тех пор загудел. А тогда так – вира помалу. Да ещё штормяга приличный накрыл. Следить приходилось за курсом. А парнишка – да! Ужрался. Деньгами по кубрику сорить принялся. После и вовсе укачало. Чего с него взять? Пацанёнок совсем. Ну, у Кучума с говнюком, понятно, глаза, что половники. До денег оба жадны.

– А сам?

– Выходит, и я, – согласился Гена. – Блевать его Вишняк повёл.

– Ну и?.. – поторопил Бероев.

Гена натужно, со свистом выпустил воздух, будто из продырявленных мехов.

– Смыло его, – коротко закончил он. – С концами, конечно. Штормяга в тот день на все «Лапти» разгулялся!

– Чего ж не сообщили?

– Затихарили. Прикинули: найти – не найдут. В Арктике мертвецы не всплывают. А вони бы пошло... И как я во всё это дался!

Моревой только что не простонал.

К пристани на Быковском мысу зачалились под вечер. Утром предстоял последний перегон – до Тикси.

Через десяток минут Гена вышел из капитанского кубрика – в кителе, в иссиня-чёрных, полощущихся по палубе клешах, фуражке, лихо заломленной козырьком назад. Чересчур лихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.